

ПРЕЗИДЕНТ ПЕТЕРБУРГСКОГО
ДЕТЕКТИВНОГО КЛУБА

Никита Филатов

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО

ОБЩИЙ ТИРАЖ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВТОРА — БОЛЕЕ 1300 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Записки адвоката

Никита Филатов

**Последнее дело. Между
строк, или Группа риска**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Филатов Н. А.

Последнее дело. Между строк, или Группа риска /
Н. А. Филатов — «РИПОЛ Классик», 2019 — (Записки адвоката)

ISBN 978-5-386-12405-2

В сборник известного мастера остросюжетной прозы Никиты Филатова вошли классический детектив о писателях «Последнее дело» и приключенческая повесть «Между строк, или Группа риска», во многом основанная на реальных фактах и обстоятельствах из биографии автора. Как обычно, читатель встретит на страницах этой книги и совершенно неожиданные повороты сюжета, и прекрасный литературный язык, и глубокое знание описываемого предмета.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-386-12405-2

© Филатов Н. А., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Последнее дело	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Никита Филатов

Последнее дело. Между строк, или Группа риска

Последнее дело Писательский детектив

Последнее дело – со всей возможною серьезностью считать себя писателем. Тем более писателем великим, владыкою умов и души почтенной просвещенной публики...

Иван Бунин. Окаянные дни

Глава 1

Если бы не девушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку!

Антон Чехов. Ионыч

Нормальный и успешный человек писателем не станет. Он вполне комфортно чувствует себя в окружающей реальности, и для него нет особой необходимости выдумывать какие-то новые миры...

Нет, по-настоящему, такая умная и глубокая мысль ни за что не могла бы прийти в голову оперативнику уголовного розыска Денису Нечаеву – обыкновенному парню двадцати четырех лет от роду, с незаконченным высшим образованием и со стажем работы в полиции, который пока еще измеряется не годами, а месяцами. Во всяком случае, этого бы не произошло в самом начале описываемых событий – хотя не исключено, что к подобному выводу он пришел бы и сам, через некоторое время. Однако забегать вперед, нарушая классическую композицию во имя какого-нибудь там постмодернизма или же, прости господи, концептуализма, совершенно недопустимо для детективного жанра.

Как бы то ни было, оперативный уполномоченный уже приблизился к полутемной сырой подворотне, возле которой его поджидал Владимир Александрович Виноградов.

– Здравствуйте! Вы из отдела полиции?

– Ну допустим. А вы кто?

Владимир Александрович сделал шаг навстречу и протянул руку:

– Моя фамилия Виноградов. Я от Союза писателей, меня попросили подъехать.

– Ага. Понятно. – Оперативный уполномоченный с большим достоинством кивнул, ответил на рукопожатие и поискал глазами номер дома:

– Это здесь у вас, что ли?

– Да, пойдемте. Вон туда, второй двор...

И они пошли.

Впереди – сопровождающий, плотный и невысокий мужчина лет пятидесяти, коротко стриженный, довольно прилично одетый и больше похожий на отставного майора, чем на представителя творческого союза. Вслед за ним, почти не отставая, – молодой оперативник в черной кожаной куртке и в джинсах, в кроссовках и с папкой для документов под мышкой.

– Осторожнее... – Виноградов перешагнул через глубокую, рваную трещину в сером асфальте – очевидно, сегодня ему приходилось проделывать это уже несколько раз, в обоих направлениях.

– Да, спасибо!

Навстречу им из подворотни потянуло холодком.

На всех календарях четвертую неделю значилась весна, однако недоверчивая питерская погода, скорее всего, имела на этот счет свое особенное мнение – напротив арки, вдоль глухой стены дома, по-прежнему темнела полоска упрямого, слежавшегося снега.

Мусора и бытовых отходов во дворе почти не было видно, хотя временами откуда-то доносился отчетливый запах помойки. А еще пахло сыростью, мокрой известкой, мочой и просроченными лекарствами. За бесцветными, пыльными окнами коммунальных квартир то и дело угадывались тени простуженных питерских кошек. То, что где-то над головой есть небо, можно было представить, пожалуй, только по отражению в мутных разливах, оставшихся после очередного дождя.

– Вот... место происшествия.

Денис остановился рядом с Виноградовым. Ничего примечательного: две истертые временем каменные ступеньки, слегка покосившийся козырек... Окна полуподвального помещения были упрятаны за металлическими решетками и за многовековым слоем пыли.

– Там сейчас есть кто-нибудь?

– Да, ночной сторож остался. Я попросил, чтобы дать объяснения...

– Ага, ну... правильно.

Владимир Александрович сделал два шага вниз и толкнул обитую железом дверь:

– Анатолий, вы где?

– Здесь... куда же я денусь?

Виноградов посторонился, пропуская вперед оперативника:

– Вот, познакомьтесь! Анатолий Шарманский, член нашего Союза писателей, знаменитый путешественник и литератор.

В небольшом коридоре за дверью их поджидал коренастый мужчина неопределенного возраста с очень круглым мясистым лицом. Гладко выбритый череп и щегольские ковбойские сапоги придавали ему отдаленное сходство с потрепанным и постаревшим актером Юл ом Бриннером из «Великолепной семерки».

– Здравствуйте.

– А это товарищ из уголовного розыска... простите, как вас по имени-отчеству?

– Денис... Денис Валерьевич, – представился Нечаев и напомнил: – А где сторож-то, который здесь ночью был?

– Ну так вот он.

– Это сторож? – удивился оперативник.

В своей жизни он, разумеется, больше встречал сторожей, чем известных писателей. Однако и те, и другие, по его мнению, должны были выглядеть несколько по-иному.

– Работаю временно, по трудовому договору... – подтвердил тем не менее человек с экзотической внешностью. И посчитал необходимым пояснить: – В результате стечения, так сказать, сложных жизненных обстоятельств.

– Понимаю, – кивнул зачем-то оперативный уполномоченный. И оглядел коридор:

– Темновато у вас.

– Экономия, – пожал плечами Виноградов.

– Понимаю, – повторил оперативник. И посмотрел на Шарманского: – Ну, ведите! Показывайте, что там и где...

Книжный склад представлял собой обыкновенный полуподвал с каменным полом и стенами, на которых еще оставалась потрескавшаяся штукатурка. Если не принимать во внима-

ние мелкий мусор с обрывками упаковочной пленки и серой дешевой бумаги, в помещении склада было совершенно пусто.

– Как это произошло?

– Рассказывайте, Анатолий, – отозвался откуда-то сзади, из коридора, Владимир Александрович.

– Ага... ну, значит...

Ночной сторож, писатель и путешественник Анатолий Шарманский заговорил, да так, что поначалу его повествование вполне можно было воспринимать и на слух, и под запись. Этому не мешало и даже, напротив, скорее способствовало то, что он несколько злоупотреблял казенными полицейскими оборотами – так обычно стараются исполнять свою роль в популярных реалити-шоу подставные актеры, которым поручено изображать участников судебного процесса... Но уже через пару минут относительно внятное и последовательное изложение обстоятельств и фактов в его свободном рассказе почти незаметно сменилось оценками внешней политики НАТО и стран бывшего Варшавского договора, глубокими историческими и философскими отступлениями, красочными метафорами, а также пословицами и поговорками на языках народов мира.

Денис попробовал задавать какие-то вопросы по существу, однако толку в этом оказалось мало, и в конце концов он окончательно потерял нить повествования.

– Послушайте, давайте ближе к делу? – все-таки не выдержал он, когда Шарманский принялся на личном опыте описывать неоспоримые преимущества долгого странствия по пустыне на одногорбом верблюде-бактриане перед таким же увлекательным путешествием, но на обладателе двух горбов, верблюде-дромадере.

– Не сердитесь, пожалуйста, Денис Валерьевич, – вмешался тут же в разговор представитель Союза писателей. – Анатолий у нас творческая личность... много чего повидал... Вы же понимаете...

– И что теперь? – обернулся к нему раздраженный Нечаев.

– Давайте я вам под протокол изложу ситуацию? Вы будете записывать, а пострадавший уточнит, если надо...

– Потерпевший, – автоматически поправил Владимира Александровича оперативник, пожал плечами и взялся за молнию на своей папке: – Ну, даже не знаю...

– Да ладно! Вы вот сами сейчас убедитесь, что так будет и быстрее, и проще.

... Крохотная каморка, в которую сопровождал их Шарманский, была отделена от помещения книжного склада тонкой серой фанерной перегородкой. Тут едва-едва помещались потерянный диван времен советского застоя, такой же старый полированный сервант без стекол, венский стул и табуретка. Телевизора не было. Зато имелось достаточно современное и дорогое устройство, посредством которого некоторые продвинутые пользователи интернета бесплатно подсаживаются в любой точке мира на трафик к своим более состоятельным соседям.

За помятой клеенчатой занавеской журчал унитаз, подразумевая наличие рукомойника.

– Прошу вас, джентльмены!

По соседству с каким-то приказом по технике безопасности и со схемой эвакуации при пожаре на гвозде, заменяющем вешалку, оперативник увидел американскую широкополую шляпу и кожаный плащ.

– Располагайтесь! – Шарманский первым делом подобрал с дивана ноутбук, закрыл его и переложил на сервант: – Может быть, чай или кофе?

– Нет, спасибо.

– Сигару не предлагаю – пожарная безопасность... Да по правде говоря, у меня их сейчас и не водится! Зато вот в девяносто седьмом году, как сейчас помню, на фестивале в Гаване, лично сам сукин сын Фидель Кастро...

– Друзья мои, давайте начинать? – опять вмешался Виноградов и посмотрел на часы: – А то мы так до вечера отсюда не уйдем.

По его предложению оперативник занял место на диване и передвинул к себе табуретку.

– Удобно записывать?

– Попробуем...

– Я могу ее протереть, – предложил хозяин.

– Нет, не надо. Все нормально.

Сам Владимир Александрович занял единственный в помещении стул, а Шарманский присел на какую-то помятую картонную коробку возле выхода.

Стало тесно, но все разместились.

– Паспорт есть у вас? Дайте, пожалуйста.

Прежде чем сунуть руку во внутренний карман, путешественник покосился на Виноградова. И только после того, как представитель Союза писателей едва заметно кивнул головой, достал свой общегражданский заграничный паспорт.

Оперативник достал из папки заранее распечатанный бланк и устроился поудобнее, чтобы записывать необходимые данные.

– Дата, год и место рождения... не судим... Вы по какому адресу зарегистрированы?

Шарманский опять покосился на Виноградова и почти без запинки назвал деревню в одном из районов Новгородской области. Ничего удивительного в этом не было, поэтому оперативный уполномоченный только уточнил:

– А здесь, в Питере, где проживаете?

– Да вот здесь, собственно, и проживаю, – Шарманский обвел взглядом крохотную каморку. – Нашел себе работу и пристанище – разумеется, временно!

– Прямо на складе?

– Нет, ну, раньше-то у меня была своя квартира, в старом фонде, на Малой Конюшенной, но так сложились жизненные обстоятельства, что...

– Анатолий! – опять посмотрел на часы Виноградов.

– А что такого? Можете мне поверить – все, что по-настоящему необходимо человеку для жизни, помещается в один рюкзак. Да еще места много останется! Вот я, молодой человек, вам историю расскажу, как во время лесного пожара в Австралии...

– Все, простите... – довольно резко оборвал писателя оперативник. В другой раз и при других обстоятельствах он, наверное, с интересом послушал бы Шарманского, однако сейчас у него не было для этого ни времени, ни желания. Поэтому Денис обернулся к Владимиру Александровичу:

– Что, все-таки будем записывать?

– Значит, так...

Если коротко, суть объяснений от имени сторожа сводилась к следующему.

Помещение склада было арендовано приблизительно полтора или два года назад для хранения книг петербургских писателей, издаваемых за государственный счет. Доставлялись книги прямо из типографии по мере их изготовления, и происходило это обычно один-два раза в месяц. В обязанности Шарманского входило расписываться в таком случае на товарно-транспортных накладных, а все копии передавать потом в Дом писателя, для отчета.

– Анатолий, а по сколько обычно привозили книг? – уточнил Виноградов, скорее не для себя, а для оперативника. – За один раз?

– Ну, по-разному... – задумался Шарманский. – Иногда десять пачек какого-то автора. А иногда даже пачек сто или больше – это если писатель особо заслуженный. Ну, вот как, например, наш председатель Союза, господин Протопопов. Или, скажем, его заместители...

– Анатолий! – Владимир Александрович укоризненно покачал головой.

– Пардон, – отчего-то смутился Шарманский.

– А в одной пачке – это сколько экземпляров? – прекратил записывать оперативник.
– Тоже по-разному. Двадцать, тридцать, бывает четырнадцать... в зависимости от формата и толщины. Или от переплета...

– А когда вывозили книги, у вас оставался какой-нибудь документ?

– При мне такого не было, чтобы вывозили.

– Так что, со склада ничего не отгружалось в магазины? – удивился Денис. – Или куда там еще обычно отправляют книги?

– Нет. В торговые сети книг не отправляли никогда, – отрицательно покачал головой Анатолий Шарманский. – Приходили, бывало, писатели. Забирали понемногу – кому на презентацию, кому на подарки друзьям, кому просто так... не знаю даже для чего.

– А другие сторожа ничего вам такого не говорили?

– Я один тут работаю.

– Круглые сутки? Без выходных?

– Ну так что же? В Союзе и в Доме писателей все знают мой телефон, если понадобится. Из типографии тоже заранее предупреждают когда и что... – Анатолий опять покосился на Виноградова: —А чего? Да, конечно, бывает, я днем ухожу по своим делам. Когда надо.

– И склад на это время остается без охраны? – уточнил оперативник.

– Да что тут охранять-то! – отмахнулся Шарманский. – Тоже мне, материальные ценности...

– Ну вот, видите, кому-то и они понадобились, – возразил Владимир Александрович, постучав кулаком по фанерной перегородке, за которой теперь находилось пустое и пыльное помещение книжного склада. —

Анатолий, скажите нам... этой ночью, в момент ограбления, вы дежурили на складе?

– Нуда, сами знаете.

– Я-то знаю! Но вот товарищу из уголовного розыска надо все официально отразить... – Виноградов посмотрел на Дениса, который уже приспособился и приноровился вести за ним запись: – Пожалуй, пока можно будет все эти подробности опустить. Напишем так: «Вчера вечером, приблизительно в двадцать часов, я заступил на ночное дежурство...»

– Согласен, – не стал возражать оперативник. И продолжил заполнять объяснение под диктовку Владимира Александровича – до тех пор, пока тот не задал Шарманскому очередной уточняющий вопрос:

– Кстати, сколько всего было книг на момент ограбления?

Анатолий задумался на мгновение:

– Много. Полный склад, почти до потолка.

– А точнее? Какие названия? Тиражи? Каких авторов?

– Я не знаю.

– А кто знает? – суровым голосом вмешался молодой оперативник.

– Не знаю, – повторил Шарманский.

– Ах да, вы же ведь числитесь по трудовому договору, без материальной ответственности... – припомнил Виноградов и пообещал Денису: —Ладно. С этим потом разберемся. А теперь, Анатолий, пожалуйста, расскажите еще раз, как все произошло.

Оказывается, на книжный склад напали ранним утром, затемно, когда Шарманский мирно нес свою службу на этом вот самом диване. Точное время преступления в памяти сторожа как-то не отложилось, однако разбудил его стук в дверь – не то чтобы громкий, но очень уверенный и настойчивый. На вполне обоснованный вопрос по поводу причины и целей подобного беспокойства был получен ответ мужским голосом, что это – бригада аварийной службы и что приехали они по вызову жильцов второго этажа, которых заливают, а перекрыть воду можно только из подвала...

– Видели, там домовые коммуникации? – уточнил Виноградов.

– Да, – кивнул оперативник, продолжая записывать.

В самом деле, через все помещение склада были протянуты какие-то трубы с огромными ржавыми вентилями, поэтому Анатолий Шарманский без колебаний открыл дверь сотрудникам жилищно-коммунального хозяйства. И тут же получил прямо в нос облако ядовитого, едкого вещества. Последнее, что он запомнил отчетливо, прежде чем рухнуть без сил и сознания, это пронзительная, очень резкая, до слепоты, боль в глазах и утрата способности сделать хотя бы единственный вдох или выдох.

– Слезоточивый газ, – кивнул оперативник.

– Перцовый баллончик? – предположил Виноградов.

– Нет, я думаю, все-таки нервнопаралитический, типа «Си-Эс», – высказал и свое мнение потерпевший. – Помню, как-то раз летом в Мексике, на границе с Соединенными Штатами...

Но Владимир Александрович помешал ему окунуться в очередные воспоминания:

– Анатолий, сейчас-то вы как себя чувствуете? Зрение в порядке?

– Да вроде ничего... получше.

Белки глаз у Шарманского действительно были красные. Если бы сотрудник уголовного розыска не знал наверняка про типовые последствия химического ожога, он бы непременно решил, что это характерный результат неумеренного и длительного злоупотребления алкоголем. Тем более что соответствующий запах в каморке у сторожа явно присутствовал. Однако, с точки зрения Дениса, после ночных потрясений и переживаний подобного рода каждый вправе снимать стресс привычными для себя способами.

Поэтому он задал следующий вопрос:

– Приметы нападавших вы, значит, никакие не запомнили?

Шарманский в поисках поддержки и сочувствия посмотрел на Владимира Александровича:

– Нет, не успел. Извините...

Пришел он в себя там же, в коридоре, когда все уже, видимо, было закончено. По ощущениям – будто с тяжелого, изнурительного похмелья: неповоротливая чугунная голова, тошнота при любом шевелении, боль в суставах и сухость во рту...

– Не так быстро, пожалуйста, Анатолий, – попросил Виноградов. – Вы успеваете записать?

– Да, спасибо, – поблагодарил оперативник, переворачивая бланк объяснения.

Ни обматывать сторожа скотчем, ни вязать его по рукам и ногам злоумышленники нужным не посчитали. Поэтому он первым делом перезвонил по мобильному телефону в полицию, а затем уже сообщил о случившемся руководителям творческого союза...

– Послушайте, господа! – неожиданно осенило Шарманского. – А что, если они в меня еще водку вливали, пока я без сознания валялся? Потому и не связывали...

– Не фантазируйте, Анатолий, – покачал головой Виноградов. И с некоторым нажимом добавил: – Не надо! Давайте заканчивать побыстрее.

После того как объяснение было прочитано вслух и подписано, оперативный уполномоченный уголовного розыска на какое-то время задумался и не слишком уверенно предложил:

– Замок дверной придется вырезать. Следы взлома и все такое...

– Зачем? – удивился Владимир Александрович.

– Для производства экспертизы.

– Он же сам дверь открыл.

– Да, вот этим ключом, – поддержал его сторож.

– Ну, тогда конечно. Вырезать не надо...

Виноградову показалось, что молодой полицейский не слишком отчетливо представляет, как положено в таких случаях действовать дальше. Поэтому он и решил прийти на помощь:

– Вам, наверное, понятия потребуются?

– Да, конечно, – кивнул, Денис, припоминая.

– Для протокола осмотра места происшествия, – подсказал Владимир Александрович.

– Ну, да... вообще-то.

Виноградов поднялся со стула.

Стул с большим облегчением скрипнул.

– Ладно. Пойдемте по соседям. Попробуем кого-нибудь найти.

...На составление протокола и схемы подвала было потрачено совместными усилиями примерно полчаса. Значительно больше времени у Нечаева отняли переговоры с жильцами коммунальных квартир, расположенных над помещением склада, – те, кого удалось застать дома, видать, не особенно уважали органы внутренних дел и ни черта не хотели ответственно отнестись к исполнению своего гражданского долга. В конце концов оперативнику повезло – на втором этаже он нашел двух узбеков с сомнительной регистрацией, отобрал у них паспорта и доставил на место происшествия. Фотографирование не производилось, иные технические средства не использовались – о чем, по совету Владимира Александровича, была сделана соответствующая пометка в протоколе.

– Вот, кажется, на сегодня закончили.

– Тогда, может быть, все-таки чаю? – предложил Анатолий Шарманский, расписываясь на последнем листе. – У меня есть зеленый, цейлонский, не из пакетиков...

– Нет, не знаю... спасибо.

Пока Виноградов, раздав паспорта молчаливым, покорным и не совсем понимавшим по-русски узбекам, отправился провожать их до двери, писатель Шарманский спросил у Дениса:

– Молодой человек, вы читаете?

– В каком смысле? – не понял оперативник.

– Ну, вы любите книги читать?

– Смотря какие...

– Хорошие! – многозначительно поднял вверх палец Шарманский. – Знаете, вы мне чем-то понравились. Извините, придется вас побеспокоить... Привстаньте, пожалуйста, на минуточку...

– Да, конечно... конечно, пожалуйста!

– Ага, спасибо... вот так... – Шарманский наклонился, приподнял сиденье и, не глядя, сунул руку в темноту. Однако вместо наволочки или простыней, которые в диване прячут обыватели, он достал небольшой, но увесистый том в разноцветной обложке с изображением одинокого всадника посреди экзотических прерий.

– Ладно, я вам сейчас подпишу.

– Ой, ну что вы, спасибо!

– Ладно-ладно, чего уж там... как зовут вас, еще раз напомните?

– Денис Валерьевич.

– Я без отчества, просто по имени. – Литератор и путешественник Анатолий Шарманский взял у молодого оперативника ручку, присел на диван и привычно по диагонали написал пару строк. Поставил размашистый росчерк и дату:

– С пожеланиями удачи и все такое прочее...

– Спасибо огромное. Это что, вы сами сочинили? – не представляя, что следует говорить в таких случаях, поинтересовался Денис.

– Ну конечно, а кто же еще! – возмущенно ответил писатель. – И не сочинил, молодой человек, чтобы вы понимали...

Ситуацию разрядил очень вовремя появившийся Виноградов.

– С почином! – поздравил он Дениса. – Очень, очень хорошая книга. И достаточно редкая, ни в интернете, ни в магазине ее теперь не купить. Повезло вам, честное слово...

Шарманский с благодарностью посмотрел на Владимира Александровича:

- Тираж маленький был, еще года два назад весь разошелся,
- А нельзя разве еще напечатать?

Писатель собирался уже что-то ответить, но его опередил Виноградов:

- Денис Валерьевич, нам с вами надо будет получить все документы по аренде склада.
- А где они? – повернулся оперативник к Шарманскому.
- Понятия не имею, – пожал тот плечами.
- Анатолий не знает, – подтвердил Виноградов. – Он сторож.
- А кто знает?

– Ну, наверное, руководство писательской организации должно знать. Или кто-нибудь в Доме писателей... – Виноградов задумался. – Нужен будет официальный запрос. Телефон мне оставьте, я перезвоню, подскажу, на чье имя. Ну и текст приблизительный заодно согласуем.

- Спасибо! Как вы думаете, до четверга мне смогут организовать ответ?

Представитель Союза писателей Владимир Александрович Виноградов собирался было ответить в том духе, что у них никто и ничего уже лет сорок толком организовать не может. Но, подумав немного, пообещал:

- Мы постараемся. Давайте телефон...

Глава 2

Неудержимый рост массовой графомании среди политиков, таксистов, рожениц, любовниц, убийц, воров, проституток, префектов, врачей и пациентов убеждает меня в том, что каждый человек без исключения носит в себе писателя...

Милан Кундера.

Книга смеха и забвения

От районного управления внутренних дел до Союза писателей вполне можно было добраться пешком. Однако Владимир Александрович подъехал за Денисом на машине:

– Добрый день, присаживайтесь!

– Спасибо. Здравствуйте!

– Надо пристегнуться, а то пиццать будет.

– Да, конечно, – оперативник потянул на себя ремень безопасности. – А вы откуда знаете нашего шефа?

– А кто у вас теперь начальник? – вопросом на вопрос ответил Виноградов.

– Полковник Лысенко.

– Не помню.

– А он вас помнит. Говорит, что вы его когда-то от тюрьмы спасли.

– Возможно, – пожал плечами Виноградов.

На самом деле Владимир Александрович прекрасно представлял себе, о чем и о ком идет речь.

История была давняя, и приключилась она еще в те времена, когда нынешний начальник районного управления только-только получил диплом судостроительного техникума и поступил на службу в уголовный розыск. Районы города захлестывали тогда катастрофические волны автомобильных краж, и после очередной такой серии его отправили в засаду – скорее даже для отчета перед руководством, чем в надежде на определенный результат. Как ни странно, уже на вторую ночь оперативнику Лысенко повезло – буквально на его глазах преступник «отработал» кассетную магнитоу из иномарки, припаркованной во дворе. Задержание вышло достаточно жестким. Автомобильный вор оказался на голову выше и в полтора раза тяжелее сотрудника уголовного розыска, поэтому попытался сначала бежать, а затем оказал неповиновение и сопротивление. Уже в наручниках, по пути в отдел милиции он предлагал оперативнику много денег, угрожал, запугивал разными неприятностями...

Тем не менее Лысенко доставил подозреваемого в дежурную часть, оформил все необходимые бумаги, после чего с чистой совестью отправился домой отсыпаться.

А под вечер его самого уже допрашивали следователи прокуратуры. Оказалось, что утром задержанного подняли из дежурной части в один из кабинетов. Там прибывшие на работу сотрудники уголовного розыска во главе со своим руководством принялись убеждать его дать признательные показания в совершении автомобильных краж, угонов и разных других преступлений, считавшихся нераскрытыми. Причем «уговаривали» задержанного с таким рвением, что в отдел через какое-то время пришлось вызвать бригаду скорой медицинской помощи. А спустя еще два часа на столе у районного прокурора лежало заявление об избиениях и пытках, которым подвергался подозреваемый гражданин. В заявлении были подробно описаны приметы, фамилии и даже имена тех сотрудников уголовного розыска, которые в этом участвовали, включая... Лысенко!

Показания самого оперативника о том, что ничего подобного он не совершал и не мог совершить, потому что покинул отдел и спал дома, ни малейшего впечатления на прокурорского следователя не произвели. Также следователь не посчитал заслуживающими доверия

показания его жены и показания всех до одного сотрудников милиции, которые «работали» утром с задержанным о том, что Лысенко среди них не было. Потому что никаких оснований для оговора и мести оперативному уполномоченному, который непосредственно произвел задержание, согласно обвинительному заключению, в действиях заявителя не усматривалось...

Адвокат Виноградов принял на себя защиту обвиняемого Лысенко уже после того, как уголовное дело в отношении очередной группы «оборотней в погонах» было прокуратурой успешно направлено в суд. И единственное, что он мог сделать в такой ситуации, – это выйти на неких авторитетных людей, имевших значительное влияние в криминальной среде. Люди очень внимательно выслушали Владимира Александровича и вполне справедливо заметили, что, вообще-то, вора «включать заднюю» и «отмазывать мента не по понятиям». Однако пообещали, из уважения к адвокату, немного подумать и посмотреть.

В конце концов все закончилось для его подзащитного благополучно. Разумеется, ни о каком оправдательном приговоре в суде речи не было и не могло быть – дело просто вернули для производства дополнительного расследования обратно в прокуратуру, где уголовное преследование в отношении Лысенко прекратили по-тихому, «в связи с недоказанностью вины...».

– Но товарищ полковник не знал, что вы тоже писатель. – Денис поправил на коленях папку с документами. – Он говорил только, что вы очень крутой адвокат.

– Нуда, наверно... – улыбнулся Владимир Александрович. – В литературных кругах я обычно рассказываю, что сочинительством занимаюсь постольку поскольку, по выходным, зато среди адвокатов мне в городе просто нет равных! А коллегам-юристам, наоборот, говорю, что в адвокатской профессии я, конечно же, не состоялся, однако писателем стал прямо-таки выдающимся.

– А на самом деле?

Наверное, из-за того, что пришлось остановиться на светофоре, Виноградов пропустил слова Дениса мимо ушей.

– Вы запрос напечатали?

– Да, конечно. Исходящий поставил и подписал, – кивнул оперативник. – Мне вообще было сказано шефом по этому материалу делать все, как вы посоветуете. Если честно, я даже не представляю, что бы вчера без вашей помощи...

Как и многие неприятности в жизни Дениса Нечаева, вся эта история с ограблением книжного склада началось для него в понедельник на оперативном совещании у начальника уголовного розыска. Всем известно, что сотрудники полиции, чтобы не плодить «глухарей», под любыми предлогами уклоняются от возбуждения дел по заявлениям такого рода. Например, в некоторых районных управлениях для этой цели в состав любой оперативной группы, выезжающей на место происшествия, непременно включают сотрудника отдела экономической безопасности¹, который сразу же начинает изымать бухгалтерскую документацию предприятия и компьютеры, интересоваться налоговыми платежами, проблемами с санитарно-эпидемиологическим и пожарным надзором. Достаточно часто такое начало проверки срabатывает, и понятливые коммерсанты предпочитают смириться и не настаивать на возбуждении уголовного дела. Чтобы не усугублять свои финансовые потери от криминала еще и неформальным общением с правоохранительными органами.

Однако в случае с нападением на книжный склад заявление уже было зарегистрировано и поставлено на контроль у руководства. А почти все районные оперативники ОБЭП, как назло, оказались мобилизованы на усиленную охрану общественного порядка, переодеты в парадную

¹ ОЭБ и ПК – так называемые Отделы экономической безопасности и противодействия коррупции. Некоторые источники считают их исключительно коммерческой структурой, а по организационно-правовой форме относят к ЗАО (закрытым акционерным обществам).

форму и направлены патрулировать улицы города. В связи с каким-то очередным – не то экономическим, не то юридическим – международным форумом...

– Вот вы именно это им и скажите.

– Кому сказать? – не понял Денис.

– Писателям. Большим писателям из руководства нашего Союза.

– Скажу, конечно... а зачем?

Виноградов ответил, хотя и не сразу:

– У нас есть определенный круг людей, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы я вам оказывал помощь.

– Почему?

– По различным причинам. – Владимир Александрович притормозил, высматривая у тротуара место для парковки. – Полагаю, со временем вы и сами во всем разберетесь. А пока нам необходимо, чтобы я в этом деле мог официально отстаивать интересы Союза писателей. В качестве представителя потерпевшего. Или гражданского истца...

– По доверенности?

– Вероятно. Не знаю, посмотрим. – Прежде чем остановить машину, Виноградову пришлось проехать еще несколько десятков метров. Наконец он выключил двигатель и отстегнул ремень. – Денис Валерьевич...

– Можно просто Денис.

– Хорошо. Но только не при посторонних.

– Договорились, – кивнул оперативник.

– Денис, вы уже прочитали Шарманского? Его книгу, которую он вам подарил?

– Нет, вчера я домой пришел только...

– Это понятно, – прервал собеседника Виноградов. – Так вот, послушайте совет на будущее. Писатели обязательно станут дарить вам свои замечательные произведения. Но читать их все сразу не обязательно. Чтобы составилось общее представление о любой книге, вполне достаточно пробежать глазами первые пять-шесть страниц, потом столько же из середины... ну и самый конец. Понравится – прочитаете всё, когда будет желание, время и соответствующее настроение.

– А если не понравится?

– Тогда можете вообще никогда не читать. Но у вас в любом случае будет возможность при следующем разговоре похвалить автора. Причем уже вполне предметно похвалить, с упоминанием пары каких-нибудь персонажей или событий из его книги.

– Но вы же сами говорите, если мне не нравится...

– Все равно хвалите.

– За что?

– Какая разница? Вот, к примеру, ваша девушка попросит: скажи, милый, честно, у меня попа толстая? Вы что обязаны ей ответить? В любом случае? Она ведь меньше всего от вас правды ждет. Она похвалы от вас ожидает, какого-нибудь комплимента, признания...

– Ну да, верно, – улыбнулся Денис.

– Точно так же любому писателю это будет чертовски приятно. А вот критиковать его, делать писателю замечания, пусть даже и по существу, нельзя ни в коем случае. Они же как дети... больные, капризные дети, которым очень хочется заботы и внимания. – Владимир Александрович потянул на себя ручку двери. – Вылезайте, Денис. И пройдемся немного пешочком...

Давным-давно, в тысяча девятьсот тридцать четвертом году, у ленинградских писателей и поэтов появился свой дом. И не простой, а самый что ни на есть настоящий, свой собственный – особняк на берегу Невы, через дорогу от Управления НКВД, с видом на Петропавловскую

крепость и на крейсер «Аврора». Помимо прочего, имелся там, в Доме писателя, замечательный ресторан – легендарное место, в котором еще довелось пару раз побывать начинающему прозаику Виноградову...

Однако потом, на заре перестройки, случился пожар. Виновных так и не нашли, но великолепный особняк тогда выгорел целиком. Простояв неприкаянным пепелищем, он какое-то время спустя – вроде бы за долги по оплате охраны и коммунальных *услуг* – перешел из писательской собственности во владение города. А затем уже и совсем в посторонние частные руки. Так что теперь это историческое здание полностью отреставрировано, но в его интерьерах располагается по-настоящему дорогой и шикарный отель.

Что же касается петербургских литераторов – те же городские власти не без основания посчитали, что обременять людей творческих собственностью и недвижимостью было бы опрометчиво и негуманно. Поэтому всего через пятнадцать лет после пожара им предоставили в распоряжение целый этаж в созданном специально для этого Государственном казенном учреждении «Дом писателя». Причем некоторые неблагодарные личности позволяли себе утверждать, что такое название говорит само за себя и что новая форма существования в виде *казенного дома* полностью соответствует новому содержанию.

– Вот, посмотрите, Денис. Это здесь.

– Ага, – кивнул оперативник и огляделся по сторонам, запоминая место. В качестве ориентира на будущее вполне могли подойти массивные кованые ворота и вывеска дешевой парикмахерской по соседству.

Виноградов придержал калитку, и через аккуратный, уютный и чистенький двор они направились к симпатичному желтому флигелю с двумя рядами окон. Оказавшись внутри, Владимир Александрович кивнул охраннику:

– Привет!

– Вы куда? – поинтересовался человек в суровой черной униформе.

– Туда.

– Идите. – С чувством до конца исполненного долга охранник снова углубился в книгу, а Денис и Виноградов направились по лестнице вверх.

– Вполне прилично тут у вас...

Большинство петербургских прозаиков и поэтов так и не научились воспринимать этот новый дом в качестве Дома. Зато чиновники из аппарата Смольного и литературное руководство вполне прижились в предоставленных кабинетах.

– Я редко здесь бываю, – пожал плечами на ходу Владимир Александрович.

...На площадке второго этажа перед доской объявлений навстречу им попала какая-то рыхлая, бледная и бородатая фигура в сером свитере. Разглядев поднимающегося Виноградова, обладатель фигуры и бороды замер было на долю секунды, но затем моментально исчез в темноте коридора.

– Это кто? – удивился оперативник.

– Дав общим, никто...

– Почему он тогда убежал от вас?

– Есть причина.

Денис хотел уже последовать за незнакомцем в серый сумрак, однако Владимир Александрович остановил его:

– Нам не туда!

– А там что?

– Там другой союз.

– В каком смысле? – не понял оперативник.

– Потом объясню. Нам налево, вот здесь... – показал Виноградов, пропуская вперед оперативного уполномоченного. – Добрый день!

Дверь в один из кабинетов была немного приоткрыта, поэтому стучаться не пришлось.
– Здравствуйте.

– Проходите, пожалуйста...

Во главе стола для важных совещаний расположился сам Валерий Степанович Протопопов, многолетний руководитель Союза писателей. В ранней молодости он какое-то время успел потеряться в кругу замечательных ленинградских прозаиков и поэтов, таких как Довлатов и Рейн, вместе с ними гулял до утра, выпивал и понемногу занимался вольномыслием. Однако, в отличие от большинства своих талантливых приятелей, оказавшихся в эмиграции или в тюрьме, делал он это все в пределах дозволенного – да и прозу свою писал так, чтобы ее непременно печатали в толстых советских журналах.

Жизнь он прожил совсем не опасную и достаточно скучную: не воевал, не сидел в лагерях, не участвовал в экспедициях на край света и никогда не стрелялся из-за несчастной любви. Самым ярким воспоминанием в судьбе Валерия Степановича было то совершенно неповторимое ощущение, которое он испытал во младенчестве, испустив газы в теплую ванну. Так что, разумеется, этот знаменательный эпизод нашел творческое отражение на страницах его биографической прозы...

С возрастом Валерий Степанович Протопопов становился все более осторожным и трусоватым, что, впрочем, не мешало ему на заре перестройки различными правдами и неправдами заселиться в шикарную квартиру возле Невского проспекта, опустевшую после смерти одной из писательниц, а затем и возглавить творческий Союз. Он всегда с удовольствием выпивал и закусывал на различных приемах и презентациях, за чужой счет катался по заграницам и по всякому поводу – или без повода – делился воспоминаниями о своей роли в русской литературе на фоне Довлатова, Бродского и подобных им «второстепенных» персонажей.

Без сомнения, в этом качестве для городских властей Протопопов был очень удобен, так как взамен на безоговорочную политическую лояльность Союза ничего и никогда у них не требовал, ограничиваясь перепавшими крохами от бюджетного пирога...

Место справа от него занимал Сергей Аронов, заместитель председателя творческого союза, мужчина средних лет, похожий на русского интеллигента. Место слева – литературный критик по фамилии Сорокин, совершенно бесцветный, худой старичок с длинным носом и злобными, вечно бегающими глазками.

Вроде бы вместе со всеми, однако немного поодаль, через два или три пустых кресла, сидел Илья Петрович Шелер – седой умный старый еврей с недовольным лицом, публиковавший когда-то талантливые романы про тайную жизнь таксопарков, железнодорожных проводников и товароведов.

Возле окна, в уголке – так, чтобы всех держать в поле зрения и не привлекать к себе в то же время избыточного внимания, – обосновалась единственная среди них представительница прекрасного пола, женщина без определенного возраста с уставшими глазами детского психолога. В аппарате Союза писателей она работала так давно, что про каждого из прозаиков, переводчиков, критиков или поэтов знала куда больше интимных подробностей, чем даже доктора из поликлиники Литературного фонда. Из-за этого, очевидно, Юлия Эдуардовна относилась к своим подопечным примерно так же, как относятся к трудным подросткам бывалые воспитатели школ-интернатов.

– Присаживайтесь, – разрешил Протопопов гостям после того, как мужчины обменялись рукопожатиями.

Денис припоминал потом, что ладошка у литературного критика Сорокина была холодная и влажная – вроде курицы, которую только что извлекли из морозильника. И еще в тот момент у него появилось отчетливое ощущение, что все эти люди не очень любят Виноградова.

Впрочем, долго задумываться об этом оперативнику не пришлось.

– Вот, пожалуйста, – он достал из папки официальный запрос и положил его на стол перед Валерием Степановичем.

Руководитель Союза писателей покосился на женщину возле окна, взял бумагу и стал зачитывать ее – сначала про себя, почти беззвучно шевеля губами, а затем уже вслух:

– В связи с проверкой материала КУСП² номер... для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по факту... на основании пункта четвертого статьи тринадцатой Закона «О полиции»... прошу предоставить заверенные копии следующих документов... так... Распоряжение Комитета по печати и связям со СМИ о проведении конкурса на предоставление субсидий для издания книг петербургских писателей... за период... так... – Он посмотрел на Дениса: – Это вам надо в Смольном запрашивать.

– А у нас разве нет? – уточнил Виноградов.

– Ну, лучше все-таки пусть они предоставят... – замялся Валерий Степанович.

– Ну допустим, – пожал плечами оперативник. – А дальше по документам?

– Список изданных книг по годам с указанием авторов и тиражей... договоры с типографиями, акты выполненных работ... так... договор на аренду, карточки складского учета, накладные на вывоз товара со склада... так-так... список материально ответственных лиц...

– Между прочим, Шарманский у нас не работает, – напомнил присутствующим Сергей Аронов.

– И никогда не работал! – подал голос со своего места критик Сорокин.

Валерий Степанович положил запрос на стол и, кажется, даже чуть-чуть отодвинул его от себя:

– А без этого никак не обойтись?

– Нет, не обойтись, – покачал головой Виноградов.

– Никак не получится, – подтвердил его слова оперативник.

– А нельзя, ну, допустим, собаку по следу пустить? – медленно и задумчиво проговорил писатель Шелер. Как всегда, невозможно было с уверенностью определить, шутит он или нет. – Знаете, я вот вчера в сериале смотрел про федеральных экспертов...

Но председатель писательского союза не дал ему закончить.

– Я хорошо знаю вашего главного генерала. Не помню фамилию... – выложил Протопопов перед оперативником свой главный козырь. – Мы с ним виделись пару недель назад, на приеме у губернатора...

Убедившись, что упоминание о большом полицейском начальнике ни на кого не произвело впечатления, Валерий Степанович в очередной раз оглянулся на женщину возле окна:

– А вы что по этому поводу скажете?

– Когда нужен ответ? – поинтересовалась та отчего-то у Виноградова.

– Завтра. Можно во второй половине дня.

– Мы не успеем.

– Вы не хотите помогать полиции?

– Давайте созвонимся. Но, Владимир Александрович, вы ведь сами должны понимать, что...

– Он понимает! – не выдержал председатель Союза писателей. – Как раз в этом-то все и дело!

Минут десять ушло на бессмысленные препирательства с Протопоповым, и еще почти столько потребовалось, чтобы все-таки получить от него подпись и дату на втором экземпляре запроса.

– Всего доброго.

– До свидания!

² Книга учета сообщений о происшествиях (МВД).

– Значит, завтра я вам перезвоню, после обеда...

Оказавшись в коридоре, Виноградов попросил:

– Подождете меня, Денис? Я сейчас.

– Нет проблем.

...Когда Владимир Александрович возвратился из туалета, он увидел оперативного уполномоченного уже на лестничной площадке, возле доски объявлений. А вплотную к Денису, что-то громко и торопливо нашептывая ему прямо в ухо, стоял Сорокин.

– Вы чего-то хотели?

– Нет-нет, я ничего не хотел! – Опустив глаза, литературный критик проскользнул мимо Владимира Александровича и прикрыл за собой дверь.

Большинство членов так называемого Союза писателей во все времена относилось к той многочисленной категории авторов, которых перестают издавать еще при жизни, а забывают еще раньше. Эти люди никогда не получили бы Нобелевскую премию по литературе. Что само по себе не так страшно. Беда в том, что они никогда не переставали и не перестанут на это надеяться. А пока урывают себе, где только можно, различные грамоты, звания и почетные знаки отличия. Для чего? Для того только, чтобы заполучить документальное подтверждение – по возможности, с гербовыми печатями и на фирменном бланке, – официальное подтверждение своего присутствия в литературе, где-нибудь по соседству с Толстым, Чеховым, Достоевским и Куприным.

Предусмотрительная советская власть подобные амбиции своих литераторов удовлетворяла. Однако после развала СССР государственная кормушка почти перестала функционировать. Поэтому на протяжении четверти века интриги, доносы и разнообразные мелкие подлости в руководстве писательских организаций носили характер почти бескорыстный и совершались, как правило, по традиции или по природным особенностям российской творческой интеллигенции.

И вот совсем недавно на писателей опять был выделен бюджет. Затихшая было внутривидовая борьба за достойное место в отечественной литературе обрела новый смысл, получила серьезное материальное обоснование – да такое, что те, кто успел еще отхватить свое на закате советского строя, с новой силой рванулись отталкивать жадную и голодную творческую молодежь от корыта с бесплатной кормежкой...

Впрочем, знать это молодому сотруднику уголовного розыска было вовсе не обязательно. Поэтому Владимир Александрович, проводив ускользнувшего критика взглядом, предложил:

– Двинулись? Если вам в управление надо, то я вас подброшу.

Но Денис придержал Виноградова, тронув за локоть, и показал на информационный стенд:

– Это вы?

Объявление, которое имел в виду оперативный уполномоченный, приглашало писателей на очередное заседание Петербургского детективного клуба. В повестке дня значилось представление очередной книги Андрея Пингвинова «Со всеми, кроме мужа...», ведущим вечера был обозначен Владимир Виноградов.

– Да, это я, – подтвердил Владимир Александрович.

– Это ведь в следующую пятницу?

– Ну, да, конечно. – Виноградов еще раз посмотрел на дату. – В шесть часов.

– А мне можно прийти? Понимаете, я всегда мечтал... мы ведь книжки Андрея Пингвинова про оперов, про милицию – с детства, со школы...

Но Владимир Александрович Виноградов уже направился вниз по лестнице:

– Да, пожалуйста, приходите...

На выходе из Дома писателей сидел очередной представитель той славной когорты бездельников в униформе, которые неизменно попадают вам на глаза в магазинах, на стройках, в любом государственном или общественном учреждении от Калининграда до Камчатки.

Когда-то Владимир Александрович не скрывал своего раздражения, натываясь на них то и дело по поводу и без повода. Но потом кто-то умный ему объяснил, что бессмысленное на первый взгляд существование в нашей стране почти миллиона различного рода охранников и сторожей позволяет властям с минимальными, в общем, затратами удерживать под контролем огромную массу людей, которые вполне способны представлять угрозу для стабильности.

Вот, к примеру, в могучей империи инков для обеспечения общественного покоя практиковались массовые ритуальные жертвоприношения юношей, которым, в отсутствие внешних врагов, просто некуда было направить избыток энергии. А цивилизованная Европа спустя много веков избавлялась от переизбытка потенциально опасных и невостребованных мужчин, затеявая Крестовые походы против неверных или кровопролитные войны между государствами.

Так что если в один момент разогнать и уволить всех этих рыцарей шлагбаума и турникета, то половина из них, без сомнения, снова усядется женам на шею, станет ныть на судьбу и в конце концов передохнет от пьянства и ожирения печени. Еще кое-кто через первые же два-три месяца попадется и сядет в тюрьму, потому что толком ни украсть, ни укараулить они не умеют. Однако оставшиеся десятки тысяч, в основном – отставные военные раннего пенсионного возраста и молодые ребята из южных республик, оказавшись без денег, без дела и без присмотра, вполне будут способны до основания перевероршить страну, со всеми ее перегнившими «скрепами» и расшатанными «вертикалями»...

В автомашине Владимир Александрович поинтересовался:

- Чего от вас хотел Сорокин?
- Вот, – оперативник полез в карман и достал из него сложенный вчетверо лист бумаги.
- Это что?
- Не знаю, не смотрел еще. Только он просил вам не показывать.
- Ну понятное дело... – кивнул Виноградов, разворачивая листок.

*Прокурору Курортного района г. Санкт-Петербурга,
Директору ФСБ по Санкт-Петербургу и области
от администрации Дома творчества писателей*

Заявление

Уважаемый господин Прокурор и Директор ФСБ, убедительно просим Вас оградить нас от клеветнических домогательств «ковбоя» Шарманского А.М.

Вышеупомянутый господин обманным путем, сославшись на рекомендацию Председателя Союза писателей Санкт-Петербурга, и на бедственное положение, в начале июня 2013 г. поселился в Доме творчества писателей. Учитывая его «бедность» он был поставлен на довольствие: на бесплатное проживание и питание. Его заявление, что он работал дворником, не соответствует действительности и является его «творческой» выдумкой.

Вскоре он сломал ногу и руку, попав на велосипеде в ДТП, и мы вынуждены были продолжать кормить и возить на машине в Сестрорецкую поликлинику № 40. В таком состоянии он работать дворником, просто, не мог.

После того, как мы узнали, что Шарманский является гражданином Америки и России и получает пенсии в обеих странах, мы отказали ему в бесплатном проживании и питании. Видимо, это вызвало большую обиду; и он перешел к мести.

Мы считаем, что его действия направлены на подрыв авторитета администрации, а в итоге на закрытие Дома творчества, так необходимого российским писателям...

Что же касается самого Шарманского – за клевету на советский строй он покинул нашу страну в 80-е годы и сейчас проживает в Финляндии... Складывается впечатление, что этот

господин выполняет чей-то заказ по подрыву успехов нашего государства и его идеологии. Так и напрашивается мысль, – а не ЦРУ ли руководит его действиями. Глядя, на его подписи в письмах – «ковбой[», не стоит ли обратить внимание на этого господина наших здравоохранительных органов. Не место ли ему где-нибудь в палате с подобными ему «героями»? Своими клеветническими письмами он отрывает время и в прокуратуре и у других контролирующих органов...³

– Это старый донос... – пожал плечами Виноградов, возвращая бумагу оперативнику.

– Там еще на обороте телефон записан, – подсказал Денис.

Владимир Александрович перевернул листок:

– Сорокин?

– Он просил меня перезвонить.

– Ну конечно, понятное дело... – повторил Виноградов, пристегивая ремень безопасности.

³ Подлинный текст заявления воспроизводится с незначительными изменениями. Орфография и пунктуация сохранены полностью.

Глава 3

В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в «Ведомостях» только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе...

Федор Глинка, из записок 1812 года

Омерзительнее адвокатов только журналисты.

Именно эта, неприличная и не вполне справедливая, мысль пришла в голову Виноградова ранним утром, как только он включил компьютер.

День Владимира Александровича начинался, как правило, с просмотра ленты новостей ресурса «МОЙКА.РУ». Бесчисленные недоброжелатели, завистники и конкуренты называли это интернет-издание, естественно, «ПОмойка», однако большинство из них было вынуждено признать обоснованным немного исправленное утверждение некоего британца по поводу газеты «Таймс»: «Никакое событие не может считаться произошедшим, пока о нем не сообщила МОЙКА.РУ».

Владимир Александрович когда-то близко знал основателя этого ресурса Константина Андреева. Одно время они даже почти подружились. Однако впоследствии определенные люди и обстоятельства развели их по жизни таким странным образом, что за минувшее десятилетие адвокат Виноградов с Андреевым виделся всего пару раз, и какие-то новости друг о друге они узнавали обычно лишь через общих знакомых.

Начинал Константин с очень небезопасных и по-настоящему дерзких материалов на криминальную тему для городской молодежной газеты. Затем создал собственное агентство расследований, стал влиятельной и публичной фигурой в общественной жизни, подружился с властями и возглавил Союз городских журналистов...

Написал он и несколько по-настоящему интересных, талантливых книг, по которым снимались успешные телевизионные сериалы. Однако в Союз писателей вступать не захотел, несмотря на то что, по мнению Виноградова, вполне можно оставаться хорошим прозаиком или поэтом даже после вступления в эту организацию.

Владимиру Александровичу многое не нравилось и в характере, и в манере общения Константина Андреева с окружающими. Тем не менее Виноградов до сих пор считал его блестящим журналистом, очень толковым организатором, приличным писателем и, что еще важнее, храбрым человеком.

И вот теперь с экрана монитора на Владимира Александровича смотрел цветной коллаж из репродукций, на котором вполне узнаваемые Пушкин, Тургенев и Чехов в одном исподнем посреди густого леса с тоской глядели вслед лихим разбойникам, уносившим куда-то прочь все их пожитки.

Заголовок материала был выделен крупным шрифтом: «Литературный криминал – или криминал в литературе?»

По мнению автора публикации, загадочные и драматические события на складе Союза писателей полностью опровергают все мифы о том, что мы перестали быть самой читающей нацией в мире и что в обществе упал интерес к современной литературе.

Далее следовало вполне профессиональное и достаточно точное описание обстоятельств ночного ограбления, которые стали известны полиции. При этом целый ряд важных подробностей, упомянутых журналистом, совершенно определенно указывал на то, что автор поработал не только со сводками Главного управления Министерства внутренних дел, но и получил каким-то образом доступ ко всем материалам проверки.

Более того, на сайте общедоступного интернет-издания были упомянуты такие детали и факты, о которых впервые узнал даже сам Виноградов. Например, корреспонденту удалось, что называется, по горячим следам поговорить с жильцами дома, в подвале которого находился книжный склад. И сразу двое из них: пенсионерка-блокадница с больными почками и молодой человек, засидевшийся за игрой «Counter-Strike», – с достоверностью указали на время, когда происходило ограбление, а также описали приметы автомашины, в которой увезли похищенные книги. Номера они, конечно, не запомнили, но, по их словам, это был светлосерый грузовой фургон – «газель» или «соболь», наподобие тех, которые используются в качестве маршрутного такси. Оба свидетеля видели также двух или трех мужчин, принимавших участие в перегрузке коробок и пачек со склада...

Далее автор корреспонденции приводил утверждение некоего «осведомленного источника в правоохранительных органах» о том, что полиция в настоящее время особенное внимание уделяет двум версиям произошедшего. Согласно одной из них, произведения питерских авторов были украдены с целью последующей перепродажи на теневом рынке книжной продукции. По второй, злоумышленники совершили налет на склад творческого Союза писателей, чтобы скрыть недостачу, образовавшуюся в результате растраты или расхищения товарно-материальных, а также духовных ценностей.

Затем, со ссылкой на официальные данные Комитета по печати, в статье был приведен довольно длинный список авторов, произведения которых пропали со склада: Валерий Протопопов, Сергей Аронов, конечно же критик Сорокин – и еще десятка полтора мужчин и женщин, фамилии которых мало что говорили читающей публике.

Ну, и под самый конец публикации корреспондент, укрывшийся за псевдонимом Анфиса Толстая, пообещал уже в ближайшем будущем порадовать читателей новыми подробностями этой загадочной и зловещей истории.

– Вот дают ребята! Прямо ничего святого...

На сайте интернет-издания уже появились первые комментарии, однако посмотреть их Виноградову не удалось: от монитора его оторвал телефонный звонок.

Номер был городской, незнакомый.

– Я слушаю вас.

– Владимир Александрович? – уточнил собеседник.

– Да, слушаю.

– Это Большаков беспокоит, директор Дома писателей.

Адвокат Виноградов взглянул на часы. Время было достаточно раннее, но рабочий день в государственных казенных учреждениях уже, видимо, начался.

– Да, здравствуйте.

– Доброе утро, простите за ранний звонок! Мы тут готовим документы по вашему запросу...

– Это, вообще-то, не мой запрос, – перебил Виноградов. – Это запрос из полиции.

– Ну да, тем более... – не стал возражать собеседник. – Вы не могли бы сегодня заехать и посмотреть?

– Хорошо. Я собирался после двух... – Владимир Александрович проверил свой рабочий блокнот-ежедневник, – до трех часов... нормально?

– Прекрасно, будем ждать. Всего хорошего!

Однако прежде, чем повесить трубку, Большаков не удержался и задал вопрос:

– Вы уже, наверное, прочитали статью? На «МОЙКЕ»?

На всякий случай Виноградов сделал вид, что не догадывается, о чем идет речь:

– А что там такое?

– Посмотрите обязательно...

Из трубки раздались короткие, не слишком вежливые гудки.

Владимир Александрович сделал пометку в блокноте и отложил телефон, чтобы вернуться к изучению комментариев. Однако опять не успел это сделать, потому что почти сразу пришлось отвечать на очередной звонок:

– Слушаю, Виноградов!

После первого же вопроса оперативника Владимиру Александровичу стало понятно, что полицейские тоже пользуются интернетом.

– Здравствуйте, это Денис Нечаев из уголовного розыска. Скажите, это вы?

– Доброе утро, Денис. Нет, это не я – если вас интересует человек, который слил в агентство информацию по нападению на книжный склад.

– Я так и думал, – не то обрадовался, не то расстроился оперативник.

– И, судя по вопросу, вы тоже не имеете к этому отношения?

– Нет, я даже не разговаривал ни с кем из посторонних...

– Вот и поищите среди своих, – посоветовал Виноградов. – Материал-то кому отдавали?

– Да вчера вечером приезжали двое сотрудников из контрольно-методического отдела. Для оказания практической помощи. И в прокуратуру я его тоже носил, на проверку...

– Ну, тогда ничего удивительного. Законы рынка. Информация будет перетекать к журналистам до тех пор, пока федеральное казначейство печатает американские доллары.

– Начальник думает, что это я виноват. Или вы...

– Не берите в голову, Денис. Обойдется... – Владимир Александрович опять посмотрел на часы. Пора было собираться и ехать на заседание в городской суд. – Кстати, что такого практического и ценного посоветовали вчерашние товарищи из Главка?

– Да ничего особенного. Дали указание опросить очевидцев, оперативно отработать ранее судимых и специальный контингент, организовать взаимодействие с участковым инспектором... – вздохнул Денис. – Хотя, вообще-то, у нас в этом микрорайоне участкового уже третий год нет. Висела вакансия, так и ее сократили.

– Кстати, мне уже перезвонили из Дома писателей. Попросили подъехать и посмотреть документы.

– Это хорошо, – повеселел оперативник. – А то меня завтра по материалу заслушивать будут на совещании.

– Значит, будет о чем доложить руководству. – Адвокат Виноградов выдвинул один из ящиков стола и начал собирать в портфель бумаги.

– Владимир Александрович, тут еще такое дело... – замялся Денис. – Мне приказано сегодня срочно установить и опросить свидетелей. В первую очередь – двоих, кого упомянули в интернете, а потом вообще всех соседей.

– Ну и правильно, – одобрил Владимир Александрович. – Называется «поквартирный обход»... да, по-прежнему ничего нет надежнее старых дедовских методов. Вы когда собираетесь этим заняться?

– Вообще-то, я прямо сейчас хотел.

– Вот и зря, Денис! Все равно в середине рабочего дня ходить по квартирам нет смысла. Надо вечером это делать, попозже, когда все нормальные люди домой возвращаются, к телевизору... – Собираясь на заседание в городской суд, Владимир Александрович поймал себя на том, что все чаще поглядывает на часы. С учетом пробок на дороге времени до выхода оставалось не так уж и много. – Ладно, вот что. Я после обеда попробую разобраться с запросом. Потом у меня еще будут кое-какие дела, а вы часам к семи, к половине восьмого подтягивайтесь на место и начинайте работать с соседями. Я тоже туда постараюсь подъехать. Зато вы пока прокатитесь до аварийной службы, получите у них официальный ответ, что в ночь ограбления никакие бригады по вызовам не выезжали. Получите коротенькое объяснение, попросите выписку из журнала или что там еще...

– Зачем? Нельзя просто позвонить диспетчеру?

– Когда результатов особенных не ожидается, важнее показать объем проделанной работы. – Виноградов закрыл ежедневник и щелкнул замками портфеля. – Да, еще, кстати, Денис! Прогуляйтесь-ка там заодно по окрестностям. Посмотрите, не установлены ли где-нибудь уличные видеокамеры, не сохранились ли записи.

– Понял, сделаю. Спасибо за совет, Владимир Александрович!

– Не за что. Может быть, повезет и там наша «Газель» засветилась. Да еще с номерами...

Судебное заседание началось почти без опоздания и прошло довольно быстро. Поэтому, попрощавшись со своим подзащитным, Виноградов заехал в адвокатскую консультацию, сдал отчет – и все равно добрался до Союза намного раньше, чем планировал.

Тем не менее директора Дома писателей Большакова он застал уже в коридоре, на выходе.

– Если что, я уехал! На совещание, в Смольный... куда угодно.

Владимиру Александровичу не удалось разобрать, о чем спрашивает женский голос. Однако ответ директора прозвучал вполне отчетливо:

– Ну так придумайте что-нибудь! А то опять они собираются меня крайним сделать. Нет уж, пусть этот ваш Виноградов идет к своему председателю...

– Добрый день.

– Что? Это вы уже! – Убегать было поздно и некуда. На охранника за стеклянной перегородкой тоже рассчитывать не приходилось, поэтому Большаков решил изобразить дежурную улыбку: – Здравствуйте, здравствуйте... очень удачно.

Поговаривали, что в прошлом директор Дома писателей работал за границей не то дипломатом, не то журналистом-международником или даже сотрудником КГБ. Правда это или он сам, в духе времени, распространял про себя такие слухи, неизвестно. Однако Владимир Александрович в них не очень верил – для кадрового разведчика Большаков был слишком уж необязателен и суетлив. Впрочем, для своей теперешней должности он подходил идеально – в том числе потому, что и сам состоял в Союзе писателей, а при советской власти издал сразу несколько книг на тему зарубежной классовой борьбы и мирового масонского заговора.

– К сожалению, я тороплюсь.

– Да, я слышал, – Владимир Александрович показал на приоткрытую дверь директорского кабинета.

– Извините, но у меня нет желания разбираться во всей этой вашей истории.

– Но ведь это не я вам звонил?

– Меня попросили.

– Кто попросил?

– Не важно кто... ну, ваш председатель...

– И чего же он хотел? – продолжил задавать вопросы Виноградов.

– Точнее, не хотел. – Большаков уже вполне справился с минутным замешательством. – Руководство Союза писателей не желает, чтобы вы его представляли.

– Отчего же? Я им почему-то не нравлюсь?

– Не знаю. Они считают, что вы действуете вопреки интересам нашего творческого союза. По мнению Валерия Степановича, вы подрываете его авторитет...

– Протопопов сейчас у себя?

– Нет, он вообще, насколько я понимаю, оформил больничный... – Директор Дома писателей покосился на охранника и доверительно понизил голос: – Скажите мне, чего вы добиваетесь? Вам чего надо? Вы только сами скажите, возможно...

– Я не представитель закона, – процитировал Виноградов слова легендарного частного сыщика Шерлока Холмса, – но, насколько позволяют мне мои ничтожные способности, я представляю справедливость.

И только после этого сделал шаг в сторону, освобождая коридор для Большакова...

Когда Владимир Александрович вышел во двор, господин Большаков уже скрылся на улице за тяжелыми коваными воротами. Зато почти сразу навстречу попались двое старинных приятелей, которых Виноградов совсем не рассчитывал повидать в этот день.

Первый из них, член Совета союза писателей Коля Проскурин, был живым подтверждением редкой возможности оставаться порядочным человеком, даже занимая какую-либо общественную должность. Боевой офицер, кавалер двух заслуженных орденов, он лет десять назад опубликовал свои воспоминания о войне в Афганистане – поразительно честную книгу, которая принесла ему премию имени Гоголя и читательское признание. В настоящее время Николай руководил секцией военно-патриотической, детективной и приключенческой литературы, которую все, разумеется, называли просто «секцией Проскурина». На волне демократии он успел побывать даже заместителем самого Валерия Степановича, однако на этом посту оставался недолго. Среди руководителей творческого союза и лиц пенсионного возраста Проскурин имел репутацию «литературного троцкиста», потому что все время боролся за какую-то высшую социальную справедливость и за перманентную революцию в тихом болоте писательской организации.

Николай Проскурин был любимцем районных и сельских библиотекарей, а также преподавателей младших классов. Он постоянно организовывал для прозаиков и поэтов какие-то встречи с читателями, фестивали и марафоны, издавал литературный альманах и не давал ни минуты покоя чиновникам самого разного уровня. А в перерывах еще умудрялся писать приключенческую фантастику и книжки для детей.

Тимур Максимов, приятель и спутник Проскурина, вступил в Союз писателей не так давно. Он тоже хотел, чтобы и в жизни, и в литературе все было по-честному. И до недавних пор пребывал в заблуждении, что, если ты пишешь хорошие, умные книги, тебя непременно должны любить издатели, руководители творческого союза и коллеги по ремеслу. Тимур тоже когда-то окончил военное училище, служил в Монголии и многое повидал, прежде чем написать свои первые повести и рассказы. Роста он был высокого, телосложения крепкого, имел потомственный татарский темперамент, седину в бороде, беса в ребрах и увесистые кулаки.

– Здравствуйте, товарищи!

– Привет, мужчина, ты откуда?

– Оттуда, – махнул *рукой* за спину Виноградов.

– Ну, и как там? – понизил голос Николай Проскурин.

– Пока нормально... Тимур, а ты чего это? – Владимир Александрович заметил, что Максимов, ответив на его рукопожатие, поморщился и непроизвольно потер поясницу.

– Спина, сволочь, болит! Кажется, потянуло.

– Перетрудился парень, – подмигнул Проскурин. – Ну, ты же понимаешь...

Виноградов хотел было что-то сказать, но потом оглянулся на окна Союза писателей и ограничился общим советом:

– Берегите себя, товарищи офицеры. Вы еще пригодитесь великой отечественной литературе.

– Хорошо, постараемся, – пообещал Максимов.

– Может, надо было тебе полежать пару дней? Растирания, прогревания, все такое...

– Нельзя. Сегодня опять обсуждение по Никулину.

– Ах ты черт, я и забыл совсем!

Как известно, любую – даже самую светлую и возвышенную – идею необходимо защищать от тех, кто присваивает себе право воплощать ее в жизнь. Говоря об этом, Карл Маркс, конечно же, имел в виду иезуитов, которые совершили бесчисленные преступления во имя христианства, и католических священников, торговавших отпущением грехов. Однако такое

утверждение было вполне применимо и к любой другой ситуации, что показала скандальная история с литературным проектом «Писатель и война».

К очередной годовщине Великой победы городские власти выделили приличные средства на публикацию серии книг, написанных о войне членами Союза писателей. Преимущественное и почетное право участвовать в этой серии предоставлялось, естественно, ветеранам-фронтовикам, а также тем, кто участвовал в боевых действиях более позднего времени.

И действительно, открыла серию потрясающая по своей откровенности, честная и оттого очень страшная книга воспоминаний покойного петербургского искусствоведа доктора наук Николая Никулина, который почти всю Великую Отечественную войну провел на передовой, в невысоких солдатских чинах. Тираж книги Никулина разошелся мгновенно, после чего городская писательская общественность образовала два непримиримых лагеря. В одном почти сразу же объединились записные ура-патриоты и просто завистливые бездарности, глубоко убежденные в том, что читателю следует узнавать про Великую Отечественную войну исключительно по инструкциям Главного политического управления времен СССР и по вылизанным мемуарам командующих фронтами. В основном этим «фронтовикам-теоретикам» противостояли писатели среднего поколения, послужившие и повидавшие кровь на Кавказе, в Афганистане, в Чечне или даже на Ближнем Востоке, – хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что поддержали их и очень многие просто порядочные литераторы.

Кульминации эта история достигла на Международном книжном фестивале, когда словесная дискуссия о том, что следует считать любовью к Родине, едва не переросла в банальный мордобой на глазах у сотен посетителей и журналистов.

В результате власти города и руководство писательской организации постарались потихому свернуть любые обсуждения фронтовых записок Николая Никулина. А потом, очень кстати, вдруг выяснилось, что на серию «Писатель и война» Смольный выделил денег значительно меньше, чем было объявлено. Да и деньги эти уже как-то сами собой разошлись – на издание книг, наподобие воспоминаний «блокадных детей» сорок пятого года рождения, и «пронзительной военной прозы» какого-нибудь литературного руководителя, вроде не служившего в армии Валерия Протопопова или, скажем, Сорокина.

В результате серию заметно сократили – и не только по выпускам, но и по тиражам. Причем по какому-то странному совпадению сокращение это произошло прежде всего за счет книг тех авторов, которые активно отстаивали право каждого рассказать о войне свою правду, вроде романа кадрового офицера Тимура Максимова или очерков отчаянного «афганца» Сергея Гуляева...

Тем не менее ожесточенная полемика в писательской среде по поводу произведений Николая Никулина до конца не утихла, то и дело подогреваясь очередным доносом на покойного ветерана или каким-нибудь мерзким открытым письмом в «Литературную газету».

– Пойдешь с нами? – предложил Проскурин.

– Нет, – Владимир Александрович отрицательно покачал головой.

– Боишься? – уточнил Тимур Максимов.

– Нет. Другие дела, извините.

– Ладно, ты же у нас адвокат, занятой человек, – кивнул Проскурин. – Все-таки позвони потом что и как. Держи в курсе. Да, кстати...

Однако разговор пришлось прервать на полуслове:

– Минуточку!

Услышав поднадоевшую задень мелодию вызова, Виноградов достал из кармана мобильник. Номер снова был незнакомый, не обозначенный в памяти телефона.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Владимир Александрович! – поприветствовал его приятный баритон.

– Добрый день.

– Это вас беспокоят из интернет-издания «МОЙКА.РУ».

– Добрый день, дорогая Анфиса.

– Почему вы меня так называете? – удивился невидимый собеседник.

– А почему вы свои публикации подписываетесь женским псевдонимом? – вопросом на вопрос ответил Виноградов. Приложив палец к губам, он показал приятелям, что разговор очень важный и не терпящий отлагательства.

– Ну, что подделаешь, специфика расследования... – без тени смущения заявил корреспондент. – Тогда не будем понапрасну тратить время. Раз уж вы все равно уже догадались, на какую тему будет интервью.

– Я не даю заочных интервью, тем более по телефону.

– Я готов и подъехать, куда скажете.

Профессиональному напору журналиста можно было только позавидовать.

– Назовите мне хоть одну причину, по которой я соглашусь с вами встретиться.

Собеседник задумался на мгновение.

– А может быть, тогда дадите комментарий?

– На какую тему?

– Владимир Александрович, мне потребуется всего лишь простой комментарий такого известного профессионала, как вы. К тому же почти очевидца произошедшего... – Собеседник обрушил на Виноградова поток слов, применяя надежное старое правило: чем дольше тянется разговор, тем труднее его оборвать: – Видите ли, в материалах полицейской проверки имеется два существенных противоречия. Во-первых, дверь склада открывается внутрь помещения. Если верить протоколу осмотра места происшествия и объяснениям сторожа, он лежал до утра без сознания там, где свалился: прямо у выхода. Да, но как же тогда выносили похищенную литературу, если он подпирал эту дверь своим собственным телом? Вы меня слушаете, Владимир Александрович?

– Да, конечно.

– И что скажете по этому поводу?

– А какое второе противоречие?

– Свидетели, с которыми я говорил, видели во дворе только светлый микроавтобус. Но заявленные в отчетах типографии тиражи отпечатанных книг просто-напросто не могли бы в него поместиться! Для того чтобы вывезти все, что оставалось на складе по документам, нужен был настоящий большой грузовик, если даже не целая фура.

– Возможно, свидетели ошибаются?

– Всякое бывает, – согласился журналист.

– Да, всякое бывает... – повторил вслед за ним Виноградов. И внезапно заторопился: – Ой, простите, мне надо бежать! Не могу разговаривать, извините, пожалуйста!

После этого Владимир Александрович дал отбой. Динамик мобильного телефона был достаточно сильный, и по лицам приятелей он догадался, что те слышали если не весь разговор, то значительную его часть.

– Ну, и что скажете?

– Он ведь перезвонит сейчас, – напомнил Николай Проскурин.

– Нет. Не думаю.

– А как же твои комментарии?

– Да нужны они этим ребятам, как... лысому расческа! – Виноградов убрал телефон.

– Тогда зачем было звонить?

– Не знаю.

– Может, это какой-нибудь провокатор? – Тимур Максимов обернулся и многозначительно посмотрел на окна Дома писателей.

– А может, и наоборот, помочь хотели...

- Владимир Александрович, ты еще веришь в добрых журналистов?
- Я верю в чудеса, – пожал плечами Виноградов.

Глава 4

У книг те же враги, что и у людей: огонь, сырость, животные, погода и их собственное содержание.

Поль Валери, французский поэт и философ

В детективных романах Владимира Виноградова почти не было женских персонажей.

Поэтому появление одинокой и очень знакомой девицы по имени Лана удивило его даже больше, чем оперативника.

– Добрый вечер, отважные рыцари!

– Добрый вечер... – вздохнул Владимир Александрович. Они с Денисом только что вышли во двор и стояли теперь перед складом, собираясь наедине обсудить результаты обхода соседних квартир. – Какими судьбами?

Фамилия у Ланы была Злотник, и Виноградов запомнил ее только потому, что когда-то написал девушке рекомендацию для вступления в Союз писателей. Хотя, вообще-то, печаталась эта самая Лана Злотник под непонятным, но красивым иностранным псевдонимом Виоленсия Мачиста и за последние несколько лет опубликовала четыре успешных романа в жанре веселой любовной фантастики.

Нельзя сказать, что Владимир Александрович, давая рекомендацию, увидел или почувствовал в юной писательнице некое особенное литературное дарование. Скорее, пожалуй, наоборот – и она сама поначалу, и ее первые, ранние произведения вовсе не соответствовали мужским и литературным предпочтениям Виноградова. Однако достаточно долгое время он вообще никому не отказывал в рекомендациях, которые требовались на приемной комиссии. Принципиально не отказывал. Ну хочет человек вступить в писательский союз... и что же такого? Ни наличие, ни отсутствие членского билета какой-либо общественной организации вообще не влияют на то, уродился ли человек в самом деле поэтом или прозаиком. Даже если на этом билете печать с фотографией и голограмма.

Да и кто же мы сами такие, считал Виноградов, чтобы определять: ты, к примеру, достоин, а ты не достоин считаться писателем? Существовала опасность, с одной стороны, высокомерно обидеть какого-нибудь современного Бродского или Ахматову с Гумилевым.

И к тому же, с другой стороны, полагал Владимир Александрович, если бы начинающего живописца Адольфа Гитлера все-таки приняли в академию художеств, то, возможно, и не было бы ни 22 июня, ни Сталинграда, ни холокоста...

– Представьте же нас друг другу, дорогой Владимир Александрович, – потребовала девица.

– Денис, – назвал Виноградов оперативника. – А это...

– Виоленсия, – опередила его молодая писательница. – Очень приятно!

– Мне тоже очень приятно! – Денис явно не очень-то представлял, что же следует делать с протянутой женской ладошкой в таких ситуациях. Однако целовать все-таки не стал и ограничился простым рукопожатием. – Неужели не страшно одиноким красивым девушкам ходить в такое время по нашим темным подворотням?

– Ну, вот теперь я уже не одна... – промурлыкала Лана. – Вы писатель? Вы пишете что-нибудь?

– В основном протоколы – ответил за оперативника Виноградов. – Денис работает в полиции. В уголовном розыске.

– Тогда вам надо начинать писать рассказы! Настоящую мужскую прозу... или стихи?

– Да ну, с чего бы это? – засмутился оперативный уполномоченный.

– Я бы почитала с удовольствием... – девица томно подняла глаза на молодого человека. – А то эти все современные совершенно беспольные литераторы...

– Оставь его в покое, я прошу! – взмолился Владимир Александрович. – Денис при исполнении!

– Интересно как! – захлопала девушка ресницами. – А что он исполняет?

– Послушай, Лана... в смысле, Виоленсия... кончай! То есть заканчивай...

– Да ладно, ничего такого, – неожиданно принял сторону новой знакомой оперативник.

Виноградов пожал плечами:

– Дело ваше. Разбирайтесь сами.

В полуподвальном помещении склада светилось одно-единственное окошко, и Владимир Александрович присел на корточки, чтобы хоть что-то увидеть. Через толстый слой пыли он разглядел каморку, старый стол, диван и самого Шарманского, сидящего перед компьютером. На голове у него красовалась американская ковбойская шляпа, ноги были расставлены для удобства, спина выпрямлена, а руки лежали на клавиатуре так, будто он подбирал на рысях повод верного скакуна.

– Скажите, пожалуйста, а Шарманский... он известный писатель? – услышал Владимир Александрович голос оперативника за спиной.

– Во всяком случае, он – писатель...

– А почему его книг не было на складе?

– Вопрос хороший, – усмехнулся Виноградов, – но несвоевременный.

– Молодой человек из полиции начинает мне по-настоящему нравиться, – громко заметила Лана.

– Именно это меня и пугает. – Поднимаясь, Владимир Александрович посмотрел на часы: – Пора заканчивать, Денис! Пойдемте еще раз прикинем. И по домам.

– Надеюсь, я не помешаю? – У девушки это прозвучало скорее утверждением, а не вопросом.

– Нет, – опередив Виноградова, ответил оперативный уполномоченный. – В смысле не помешаете!

– Интересно, откуда такая уверенность? – Владимир Александрович в очередной раз пожал плечами, после чего они все, уже втроем, направились через двор, под каменную арку. – Да, здесь точно большой грузовик не пролезет.

– А «газель» или даже какой-нибудь «форд-транзит» запросто!

– Вполне свободно, – согласился с оперативником Виноградов. – И туда, и обратно.

– Это вы о чем говорите, мужчины?

– Да так... проверяем одно любопытное предположение.

Тем временем Денис достал из папки ярко-желтую рулетку и принялся измерять ширину, а также высоту проезда с улицы во двор.

– Ой, как интересно! А вы что это сейчас делаете?

– Тайна следствия, – опередил сотрудника уголовного розыска Владимир Александрович.

– Вы плохой джентльмен, господин Виноградов! – обиженно надула губы девушка. – Вы грубый и черствый, все время ворчите...

– Зато я красивый и у меня много денег, – отмахнулся адвокат. – Денис, потом оформите! Сейчас уже не надо.

– Без понятия? – удивился молодой оперативник.

– Составите рапорт. Вполне достаточно...

Откуда-то из темноты под арку вышла серая пожилая питерская кошка. Немного постояла, посмотрела – а потом опять исчезла, так же незаметно, как и появилась.

– Значит, все-таки светлый фургончик. – Денис убрал рулетку, достал вместо нее листок бумаги и сделал несколько пометок. – А может быть, они много раз возвращались?

– Нет, – отрицательно помотал головой Виноградов. – По времени тогда не получается.

– Если верить свидетелям.

– Если верить...

Опрошенные жильцы в основном только подтвердили все то, что уже сообщила интернет-газета.

Описать или опознать кого-либо из преступников они вряд ли сумеют, но кроме тех, о ком писали журналисты, Денису удалось обнаружить еще одного очевидца, который в ту ночь возвращался домой после смены. Мужичок был не очень-то разговорчивый, но совершенно уверенно утверждал, что без четверти шесть во дворе уже не было ни одной посторонней машины, и уж тем более светлого грузового фургона.

– Тогда что же выходит?

– Пока ничего. Мы ведь точно не знаем, сколько книг оставалось на складе.

– Да, не знаем, – задумался оперативник. – Но вы сами сказали, что корреспондент по телефону...

От того, чтобы выругаться во весь голос, Владимира Александровича остановило только присутствие Ланы, которая с любопытством прислушивалась к разговору.

– Денис, все это, скажем так... сотрясение воздуха! А нам нужен официальный ответ на запрос.

– Я понимаю.

– Значит, завтра придется вам самому их трясти.

– Владимир Александрович, я завтра опять по отделу дежурю...

– Ну, это не ко мне, – развел руками Виноградов. – Да, кстати, что с камерами на улице?

– Вот, забрал! – Оперативник расстегнул куртку и вытащил из внутреннего кармана два старомодных компьютерных диска. – Вы были правы: одна висит там, справа, в магазине за углом.

– Отлично!

– А вторая камера вообще установлена почти напротив.

– Еще того лучше. – Виноградов похлопал оперативника по плечу и повернулся к девушке: – Смотри, как надо преступления раскрывать! Интерпол прямо отдыхает...

– И что же это за кино? – опять захлопала ресницами девушка.

– Хорошее кино! Полезное... – оперативник расплылся в улыбке, с благодарностью посмотрел на Владимира Александровича и пояснил, специально для Ланы: – Там номера автомобильные должны быть. Номера, по которым мы сможем установить, на какой машине преступники вывезли книги. А уже дальше – дело техники!

– Это правда? – не сразу поверила собеседница. – Так просто?

– Да, – кивнул Виноградов. – Если, конечно же, номера не фальшивые. Или, например, автомобиль не числится в угоне...

– Тоже бывает, – вынужден был согласиться сотрудник уголовного розыска.

– Денис Валерьевич, вы сами-то успели запись просмотреть?

– Нет, я просто забрал у них, а потом...

– Просто забрали? – уточнил Виноградов.

– Под расписку.

– Не самый лучший вариант. Обычно актом выемки оформляют... нуда ладно. Вы сейчас в отдел?

– Нет, я, наверное, домой.

– А диски?

– Так мне их все равно сейчас толком не посмотреть, – сказал оперативник с явным сожалением. – Завтра еще надо будет как-то доехать до управления, там у них есть нормальная аппаратура. Хотя я еще и дежурю, так что...

– Ой, а можно мне будет потом вместе с вами, Денис? – томным голосом попросила девушка.

– В каком смысле?

– В смысле кино посмотреть. Ну, и вообще...

Это прозвучало так многозначительно, что Владимир Александрович с неожиданным для самого себя проворством протянул руку и взял у Дениса оба электронных носителя:

– Нельзя... давайте мне! У меня дома, в комнате старшего сына такая техника стоит – по-всякому не хуже, чем в полиции. Домашний кинотеатр, цифровые декодеры, видеоплееры, еще какая-то дребедень на любые форматы... Я сегодня домой доберусь, прогоню все до нужного времени, а когда найду что-нибудь интересное, сразу перезвоню, если очень уж поздно не будет. Договорились?

– Конечно, спасибо... вы только знаете что... вы в любое время звоните, не стесняйтесь!

– Да мне тоже не терпится! – понимающе усмехнулся Виноградов, убирая в портфель диски. – Самому интересно. Как только – так сразу, перезвоню.

– Денис! – Голос Ланы заставил мужчин обернуться к ней. – Это вам, Денис...

– Спасибо... – Оперативник не слишком решительно принял от девушки томик в яркой обложке: – Это мне? Это вы автор, да?

– У вас жена есть, Денис?

– Нет жены, – честно ответил молодой оперативник.

– А дети есть? – уточнила писательница.

– Тоже нет.

– Тогда сами прочтете. Надеюсь, понравится...

– Спасибо огромное! Хотя мне уже позавчера Шарманский книгу подарил...

– Значит, вторая будет, – не сумев сдержать себя, хмыкнул Виноградов. – Это не страшно, даже для полицейского. Начинайте собирать домашнюю библиотеку...

И, прежде чем Денис успел обидеться, предложил ему и Лане:

– Подбросить до метро?

– Нет, спасибо, мы пешком, – за них обоих ответила девушка.

– Точно? – Владимир Александрович посмотрел на Дениса.

– Да, спасибо! – кивнул тот.

– Ну, тогда до свидания...

Владимир Александрович всегда придерживался убеждения, что превращать литературу в основной источник существования – практически то же самое, что профессионально и за деньги заниматься любовью. Как известно, секс получается хорош и интересен, только если у мужчины есть подходящее настроение, достаточный запас энергии и соответствующая потребность. Потому что одними только профессиональными навыками вдохновение не заменишь. И достойного уровня повесть или роман просто-напросто не могут быть написаны, если, хочешь или не хочешь, а надо садиться к столу и нагонять листы в соответствии с авторским договором. А потом сдавать рукопись в установленный срок, дожидаться, не обманет ли издатель с гонораром и нет ли возможности получить у него аванс на пропитание...

В общем-то, и проститутки, и профессиональные литераторы зарабатывают, как умеют. Среди них есть востребованные и не очень, есть достаточно дорогие, а есть и готовые потрудиться едва ли не за еду. Владимир Александрович немного жалел и никогда не осуждал ни тех, ни этих, но, пожалуй, единственным исключением, подтверждающим общее правило, полагал Достоевского.

Рассуждения Виноградова о поразительном сходстве продажной любви и литературного промысла в первую очередь, разумеется, следовало отнести к так называемой сильной половине писательского сообщества. Потому что, как правило, после того, как закончена любая настоящая (и стоящая!) книга, мужчине-автору необходима пусть и недолгая, но творческая пауза. Для того чтобы восстановить потраченные силы – точно так же, как после акта любви. А когда производство заказанных текстов поставлено на поток, кушать хочется и разборчивость только мешает...

Писать книги нужно, считал Виноградов, только если не писать не можешь. И только тогда, когда этого по-настоящему хочется.

Его мнение многим могло показаться неоднозначным и спорным. Однако сам Владимир Александрович, состоявший в Союзе писателей вот уже более двадцати лет, постоянно имел какой-либо иной, не относящийся к литературе, источник существования. Например, после службы в милиции он почти сразу же стал практикующим адвокатом. Эта работа Владимиру Александровичу нравилась, и достаточно скоро он приобрел репутацию энергичного, грамотного и порядочного профессионала. А уже вместе с такой деловой репутацией – возможность довольно свободно планировать свое время, получая необходимый и достаточный доход.

Но, с другой стороны, труд защитника по уголовным делам никогда не считался приятным и легким. Хотя бы потому, что тюремный воздух, например, невозможно спутать ни с каким другим. И тот, кто хоть раз побывал за стенами даже самого современного следственного изолятора, уже никогда не забудет неистребимо вязкий, тошнотворный, какой-то даже физически липкий запах людских выделений, постоянного страха и отвратительной пищи. Кажется, что этим запахом насквозь и навечно пропитано все – так, что даже подписанные там бумаги по уголовному делу нельзя потом брать в руки без ощущения нечистоты и заразности...

Вот и на этот раз, оказавшись за воротами следственного изолятора, Владимир Александрович первым делом перекрестился на купол собора, несколько раз подышал полной грудью и только после этого занялся текущими делами.

Пришлось немного подождать, пока мобильный телефон подключится к сети.

Виноградов набрал номер Дениса – аппарат абонента был выключен или находился вне зоны обслуживания. Конечно, следовало позвонить оперативнику вчера, но Владимир Александрович так поздно закончил возиться с DVD-дисками, что решил не будить его посреди ночи. А в половине седьмого утра он уже занимал очередь на свидание со своим подзащитным: в изоляторе кабинетов для следователей и адвокатов было меньше трех десятков, так что некоторые желающие записывались еще с прошлого вечера. А потом, на посту, пришлось сдать на хранение телефон и оставаться без связи почти до обеда...

«Ничего, перезвонит, – подумал Виноградов. – Увидит номер и перезвонит».

Владимир Александрович сел в машину и меньше чем через полчаса уже припарковался возле знаменитого писательского дома на Петроградской стороне.

Построен этот дом был шестьдесят лет назад на средства Литературного фонда и помнил еще Анну Ахматову. Которую Виноградов, естественно, не застал. Зато ему довелось посещать в этом доме когда-то Вадима Сергеевича Шефнера – пожалуй, самого ленинградского из писателей прошлого века. А спустя пару месяцев провести целый вечер, за стопкой и за мужским разговором, в гостях у прекрасного, злого и умного Виктора Викторовича Конечного... Вообще же, дом был многоквартирный, большой, и почти все квартиры в нем занимали особо достойные и заслуженные члены Союза писателей СССР. Только вот, как оказалось, в памяти благодарных читателей от них сохранился едва ли с десятков имен и фамилий.

Дверь в квартиру на четвертом этаже открыла Юлия Эдуардовна:

– Здравствуйте, Владимир.

– Добрый день...

Интересоваться, какими судьбами она здесь оказалась, не имело никакого смысла. Они были знакомы больше двадцати лет, со времен вступления Виноградова в писательский союз, и тогда еще не вызывало сомнения: для всего, что делала или не делала эта женщина, обязательно имелась веская причина.

– Извините, не знал, что сегодня увижу вас. Непременно пришел бы с цветами.

– Ничего страшного. Проходите. Он уже про вас спрашивал.

Борис Аркадьевич Жаботинский принадлежал к поколению шестидесятников, давным-давно стал почти живым классиком, однако остался при этом порядочным человеком. Вчера вечером он позвонил Виноградову и попросил заехать в любое удобное время... желательно после обеда. Отказать Виноградов не мог, да и не хотел: с юных лет он зачитывался фантастическими романами Бориса Аркадьевича, а к нему самому относился с большим уважением. Тем более что в последние несколько месяцев Жаботинский болел, и в Союзе писателей поговаривали про онкологию.

Юлия Эдуардовна пропустила гостя вперед:

– Не надо, пожалуйста, обувь снимать! Прямо так проходите.

Окно спальни смотрело во внутренний скверик, но сейчас оно оказалось наполовину прикрыто тяжелыми шторами. Возле окна – письменный стол с монитором, а деревянные темные полки от пола до потолка заставлены книгами и различными памяtnыми безделушками со всего мира. На стене между книжными полками нашлось место для пары хороших картин, православной иконы и отпечатанной более ста лет назад карты звездного неба. Сам хозяин лежал на широкой семейной кровати, под одеялом, и его очень бледное, осунувшееся лицо почти не отличалось по цвету от наволочек на подушках.

Пахло медикаментами.

– Здравия желаю, Борис Аркадьевич!

– Привет, Володя, привет... – Жаботинский протянул гостю руку. – Очень рад тебя видеть!

– Спасибо, взаимно!

– Присаживайся. Я рад, что ты нашел время заехать.

Рядом с кроватью стоял пустой венский стул, предназначенный, очевидно, для посетителей.

– Да какие тут могут быть разговоры, Борис Аркадьевич!

Несколько долгих секунд Жаботинский смотрел в глаза гостю:

– Что, прямо так плохо?

– Да нет...

Наверное, следовало сказать хозяину что-то бодрое и утешительное. Однако врать было неловко, да и не хотелось. Уже на памяти Владимира Александровича ушли из жизни достойнейшие люди и прекрасные писатели – Борис Натанович Стругацкий, Вадим Шефнер, Виктор Конецкий, Станислав Родионов, Даниил Аль, ушла хорошая и светлая Татьяна Окунева...

– Как же вы работаете адвокатом, Володя? Вы совершенно не умеете врать людям.

– Ну, это смотря каким людям.

– Представляете, разве не странно? Когда врачи поставили диагноз, я на какое-то время даже обрадовался, что похудею. И мне опять станут впору любимые вещи, которые оказались когда-то малы... – Борис Аркадьевич немного приподнялся на подушке. – Огорчало только, что это продлится недолго. Зато теперь я точно понял, что к собственному здоровью надо относиться с уважением, но без подобоострастия. Не надо перед ним заискивать, не надо подкупать его диетами и обещаниями...

Интересно, подумалось Виноградову, отчего так заметно и часто умирают хорошие люди?

А различные бездари и подонки, как правило, счастливо доживают до больших юбилеев. Хотя, в сущности, доживают не так уж и счастливо. Потому что все время следят друг за другом, постоянно считают чужие награды и премии, которые сами не получили, но непременно должны были получить...

– Ой, спасибо, красавица! Вот сюда... давайте-ка...

Через порог переступила Юлия Эдуардовна с подносом, на котором едва поместились три чашки, заварочный чайник, пузатая сахарница и печенье.

– Прошу прощения... помочь?

– Да ничего, сидите, не вставайте!

Аккуратно и быстро распределив между Жаботинским и гостем все необходимое для чаепития, Юлия Эдуардовна присела к письменному столу:

– Я не помешаю?

– Обижаете, Юлия... как вам не стыдно!

В изголовье кровати лежал томик Бунина, и разговор как-то сам собой завязался по поводу его «Окаянных дней». Характер у нобелевского лауреата был отвратительный. О писателях вообще и о русских писателях в частности отзывался он с пренебрежением и без какой-либо симпатии, признавая за некоторыми из них, впрочем, некоторое право на существование в литературе.

От кровавых событий Гражданской войны Владимир Александрович с хозяином перешли, по традиции, к обсуждению политических новостей.

– Ох, Борис Аркадьевич, вижу, не любите вы нашу нынешнюю страну... – с улыбкой покачал головой Виноградов в ответ на резкие и точные оценки собеседника.

– Наверное, потому, что я слишком любил страну ушедшую... – вздохнув, признался самому себе писатель Жаботинский, которого во времена Советского Союза считали бунтарем и вольнодумцем. – Страну своей молодости. Страну своих надежд...

Борис Аркадьевич поставил чашку:

– Ну, Володя, рассказывайте, что у нас нового, в нашем писательском мире?

– Вам должно быть виднее. – Отвечая хозяину, Виноградов достаточно выразительно перевел взгляд на женщину за письменным столом. – Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – подтвердила Юлия Эдуардовна.

– Да, пожалуй... – кивнул Жаботинский. – Вы уже посмотрели список книг, которые были изданы в этом году на бюджетные деньги?

– Только то, что раскопали журналисты.

– Как вы думаете, почему там практически нет популярных, успешных писателей?

– Интриги и жадность?

– Не только. – Хозяин квартиры взял чашку и сделал глоток. – Дело в том, что известные авторы, вроде вас, и так хорошо издаются. Большими тиражами, за приличные деньги... Авторские права на их новые тексты покупают еще до написания. Поэтому за государственный счет печатают макулатуру, которую никто другой ни издавать, ни прочитать не хочет. Но, все же, за некоторыми исключениями.

– Например?

– Например, иногда издаются дебютные тексты молодых литераторов.

– Очень редко и мало.

– Согласен! Но все-таки хоть иногда издаются... Честно говоря, для удовлетворения амбиций большинства современных писателей вполне хватило бы тиражей в пятьдесят или сто экземпляров. На подарки друзьям и знакомым... ну и на парочку встреч с посетителями в филиале районной библиотеки. Или даже для получения какой-нибудь литературной премии... Так что нынешнее руководство Союза писателей вот уже много лет существует само по себе, а отечественная словесность, простите за выражение, сама по себе. И вы с Колей Проску-

риным, как это ни прискорбно, станете точно такими же. С возрастом. Хотя даже не в возрасте дело...

Борис Аркадьевич удостоверился, что собеседник его внимательно слушает, потом продолжил:

– Руководить союзом должны такие люди, которые приходят что-то давать, а не брать.

– Вы что, действительно всерьез считаете возможным оживить писательскую организацию? – удивился Виноградов.

– А вы? – неожиданно опередив хозяина квартиры, задала вопрос Юлия Эдуардовна.

– Я считаю, что в нынешнем виде союз обречен. Форма не соответствует содержанию. Изменились страна, мир, политика, экономика... и любые попытки реанимировать его – это как с трупом, в котором уже началось разложение. Сколько, знаете ли, ни делай искусственное дыхание рот в рот покойнику, сколько ему ни прикладывай электроды на сердце – все будет без толку!

– Я хотела бы верить, что вы ошибаетесь.

– К сожалению, вряд ли... – Владимир Александрович повернулся и чуть не задел локтем чайную чашку. – Но уже давно всем известно, что Союз писателей, как и остальные так называемые творческие союзы, имеет убывающе малое значение. Чтобы не сказать – исчезающе малое.

– Тем не менее многие люди стремятся вступить в наш союз, – возразила ему собеседница. – Вы бы видели, сколько лежит заявлений в приемной комиссии!

– Приемная комиссия – отдельный разговор! Помню, кто-то сказал, что прозаики или поэты, как правило, понимают сами про себя, кто чего стоит. А вот друг про друга – уже нет. Один пользуется заслуженной популярностью, другой – не вполне заслуженной, третьего не читают, но хвалят, четвертый и вовсе печатается за свой счет...

– Это вы к чему?

– А к тому, что в приемной комиссии заседают какие-то непонятные тети и дяди, которые...

– Так всегда было, так есть и так будет. – Пока гости спорили между собой, хозяин протянул руку, открыл книгу, лежавшую возле кровати, нашел нужное место и с выражением прочитал: «Кто они, эти критики? На врачебный консилиум зовут врачей, на юридическую консультацию – юристов, железнодорожный мост оценивают инженеры, дом – архитекторы, а вот искусство всякий, кто хочет, люди, часто совершенно противоположные по натуре всякому искусству»⁴.

– Одному нравится арбуз, другому свиной хрящик, – процитировала по памяти Юлия Эдуардовна.

После чего, оставив за собой решающее слово в разговоре с Виноградовым, собрала на поднос всю посуду и вышла на кухню.

Жаботинский посмотрел на дверь, за которой она скрылась:

– Не надо ворошить эту историю, Володя.

Они слишком хорошо относились друг к другу, чтобы Владимир Александрович стал притворяться, будто не понимает, о чем идет речь:

– Почему?

– Ну пропала какая-то макулатура со склада... кому это интересно? Вот, допустим, найдут с вашей помощью похитителей... И посадят в тюрьму. Хотя, на мой взгляд, наверное, лучше было бы их в нашу районную библиотеку отправить, на принудительные работы. Чтобы с утра до вечера шесть дней в неделю выдавали произведения советских классиков пенсионерам и школьникам. Или книжные полки от пыли протирали... – Борис Аркадьевич припод-

⁴ Иван Бунин «Окаянные дни».

нялся на локте: – Еще один скандал! И все равно ничего не изменится. А вы и ваши друзья себе только новых врагов наживете.

– Умный враг – большой подарок в жизни, – напомнил Владимир Александрович хозяину его же собственные слова.

Но Жаботинский в ответ отрицательно покачал головой:

– Подождите немного, Володя! Уйдет поколение нынешних литературных стариков, и вы займете их место в президиуме. Так сказать, естественным путем...

– Мне это не нужно, сами знаете.

– Да, я знаю. Но люди меняются. И обстоятельства тоже.

– К тому же, Владимир, не забывайте про тот, другой, Союз писателей... – Юлия Эдуардовна остановилась в дверях. – Они будут рады использовать любой повод, любую причину, чтобы опорочить нас перед городскими властями. Нельзя дать им такую возможность! Вы же, наверное, понимаете, что это может отразиться на распределении средств, на бюджетном финансировании нашей издательской деятельности...

– Володя, вы ведь не на их стороне? – на всякий случай уточнил Борис Аркадьевич.

Честно говоря, по прошествии четверти века Виноградов толком не помнил уже ни причин, ни деталей раскола писательского сообщества на две непримиримые, противоборствующие организации. Однако председатель «другого» Союза писателей некто Борис Козлов был симпатичен Владимиру Александровичу еще меньше, чем свой собственный Валерий Протопопов.

– Нет, не надо беспокоиться. Я уж точно не на их стороне.

Собеседники Виноградова с облегчением переглянулись:

– Это хорошо. Это правильно!

– Вот, возьмите, – Юлия протянула Владимиру Александровичу увесистый полиэтиленовый пакет с эмблемой международной книжной ярмарки. – Здесь все официальные документы по запросу из полиции. Я сама подготовила и заверила.

– Спасибо, – удивился Виноградов. – Честно говоря, не ожидал.

– Не за что. Это есть уже в интернете. Я думаю, из Комитета по печати... – Юлия Эдуардовна пожала плечами. – А вы бы от нас все равно не отстали. Так или иначе...

– Вы удивительно мудрая и красивая женщина, – признал Владимир Александрович. – Когда я стану президентом, то непременно назначу вас главой Администрации. Надо расписаться?

– Да, на втором экземпляре.

– Ага, так... а это что еще такое? – поинтересовался Виноградов, заглядывая в пакет.

– Книги. С дарственными надписями. От самого Валерия Степановича, от Сорокина...

– Для меня? – Владимир Александрович удивился еще больше.

– Нет, для этого вашего молодого и симпатичного... для милиционера из уголовного розыска. А вам что, тоже надо? – в свою очередь удивилась Юлия.

– Нет, благодарю! Квартира маленькая, ставить некуда... – улыбнулся Виноградов и посмотрел на часы...

Глава 5

Поэт поэта гладит по бедру...
Иван Ставиский

Поговорить с оперативником Владимиру Александровичу удалось только утром. Еще не было девяти часов, когда его мобильник ожил и на экране высветился знакомый номер.

– Доброе утро! Это Нечаев беспокоит, из уголовного розыска.

– Доброе утро, Денис.

– Извините, что рано... не разбудил?

– Нет, не разбудили. Вчера я пытался до вас дозвониться...

– Ой, пожалуйста, извините еще раз! Тут такая история, понимаете... – Денис заговорил быстро, короткими фразами, как будто боялся, что собеседник ему не поверит или же станет смеяться: – У меня вчера в обед украли телефон. Мы заехали с ребятами в столовую, а я куртку повесил, пока то да се... Кто-то, сука, из кармана и подрезал мобильник! Я, блин, уже по дороге на адрес, потом только спохватился. А то бы мы там, само собой, всех на уши поставили...

– Удостоверение на месте? – перебил оперативника Виноградов.

– Слава богу, на месте! Я же в куртке его никогда не ношу, исключительно при себе.

– Тогда плевать.

– Да все равно обидно! Угораздило же меня вот так, по-глупому, себя терпилой⁵ выставить... – продолжал сокрушаться Денис. – Хотя, в общем, правильно, сам виноват. Вы уж простите, пожалуйста, что не перезвонил.

– Ну, раз такое дело...

– И как назло, вчера два трупa на квартирах! Пока мотались по заявкам, потом еще на один вызов... я до своего отдела только ночью смог доехать. Попросил у одного из наших мобильник старый, на время. Сим-карту мы сразу же заблокировали, потом я номер свой восстановил, но телефоны-то все уже пропали! Хорошо, у меня ваши данные были записаны на бумажке...

– Веселая история в журнале «Ералаш», – вздохнул Владимир Александрович.

– Честное слово!

– Послушайте меня, Денис, пусть это будет самое плохое, что приключится с вами в этой жизни! – Владимир Александрович подумал, что пора вернуться к прерванному завтраку, и предложил: – Давайте я вам все-таки скажу, зачем звонил.

– Давайте, – сразу согласился молодой оперативник.

– Есть две новости, плохая и хорошая. С какой начать?

– На ваше усмотрение.

– Тогда начну с плохой. Ни на одной из записей с камер уличного наблюдения не отражен период времени, который нас интересует. Период обновления у них двадцать четыре часа, то есть картинка в памяти хранилась только сутки. А это значит, что мы с вами опоздали. Совсем немного опоздали, но это еще обиднее...

Денис Нечаев очень коротко и очень неприлично выругался в трубку.

– Согласен, – подтвердил Владимир Александрович.

– И что теперь делать?

– Вы кому-нибудь доложили про нашу затею с видеокамерами?

– Нет, пока никому не рассказывал.

⁵ Потерпевшим (уголовный жаргон).

– И не надо. Только хуже сделаете.

– Почему? – задумался Денис.

– Победителей не судят. Но во всех других случаях инициатива наказуема. И если начальство узнает, что была возможность и вы благополучно прохлопали эту историю...

Сотрудник уголовного розыска помолчал, сопоставляя услышанное с небогатым личным опытом:

– Да, вы правы. Наверно.

– Зато есть и хорошая новость, – порадовал его Владимир Александрович. – Мне вчера все-таки передали из Союза писателей документы по вашему запросу.

– Это здорово, – без особого энтузиазма ответил Денис.

– Могу вечером привезти, куда скажете.

– Владимир Александрович, я после суток... – замялся оперативник.

– Понимаю. Никаких проблем, отдыхайте! Созвонимся.

– Да, я теперь телефон подключил, опять буду на связи...

После завтрака у Виноградова еще осталось время, чтобы четверть часа посидеть перед домашним компьютером. Подключившись к сети, Владимир Александрович набрал ключевые слова по недавнему происшествию на книжном складе, и поисковая программа первым делом привела его на сайт Агентства криминальных новостей.

«ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК!» Очередной материал авторитетного ресурса «МОЙКА.РУ» был оформлен достаточно просто, но выразительно: иллюстрация к заголовку представляла собой силуэт убегающего человека, составленный из корешков разных книг, на которых читались фамилии авторов.

Все эти фамилии были Владимиру Александровичу знакомы, они совпадали со списком пропавшей со склада литературы. И содержание самого материала тоже вполне соответствовало форме подачи.

Для начала журналист интернет-издания задавался вопросом, кто же все-таки является в этой истории потерпевшим. Те городские писатели, книги которых похищены злоумышленниками? Да нет, вряд ли. Если верить финансовым документам из Комитета по печати, гонорары им были полностью выплачены еще при заключении авторского договора и никакие проценты от реализации готового тиража такими договорами не предусматривались. Поэтому членов Союза писателей, разумеется, следовало считать пострадавшими, что называется, по жизни, но никак не потерпевшими с юридической точки зрения. Материальный ущерб им причинен не был. А оценивать по закону моральный вред из-за того, что широкие массы читателей вдруг лишились возможности познакомиться с их выдающимися произведениями, оказалось бы затруднительно.

Тем более что первоначально какая-то часть тиражей, отпечатанных за бюджетные деньги, уже поступила на реализацию в городскую сеть книжной торговли. Где и пылилась, почти не востребованная, на полках до настоящего времени, ведь, согласно телефонному опросу директоров сетевых магазинов, проведенному интернет-изданием, в лучшем случае в каждом из них приобреталось читателями за месяц всего по два-три экземпляра из общего списка. Другими словами, как деликатно отмечал журналист, особенного потребительского ажиотажа на эту продукцию не наблюдалось.

Комитет по печати городской администрации также не мог и не хотел считаться потерпевшей стороной. С точки зрения финансовой отчетности десять миллионов рублей, выделенные на поддержку издательского проекта, были освоены вовремя, в полном объеме и перечислены унитарному предприятию «ПЕТРОСКОП», которое выиграло соответствующий конкурс.

А уж этот самый «ПЕТРОСКОП», в свою очередь, тем более не пострадал: все деньги за редакционную подготовку, изготовление оригинал-макетов и размещение заказов по типографиям поступили на его счет без задержек и даже частично по предоплате.

Не остались в накладе, конечно, и типографии, с которыми «ПЕТРОСКОП» расплатился не только за использованные материалы, но и за весь объем выполненных работ. Расплатился почти сразу же после того, как отпечатанная книжная продукция была передана по акту в Союз писателей, который имел теперь полное право распоряжаться ею по собственному усмотрению...

«Так в конце концов, кто же был юридическим собственником пропавших тиражей? – задавал вопрос автор. – Кому они принадлежали с точки зрения действующего законодательства?»

И кому оказались нужны все эти книги... если они оказались никому не нужны?

«Каким образом можно из десяти миллионов бюджета украсть двадцать пять? – спрашивал далее *журналист*. – За какие такие особенные услуги администрация города высоко ценит нынешнего директора ГУП „ПЕТРОСКОП“? Как списать на хорошее дело четыре вагона карельской бумаги, которых не существовало в природе?»

Своих ответов или версий автор журналистского расследования пока не предлагал. Однако пообещал обратиться за комментариями к ведущим специалистам в области уголовного и гражданского права, чтобы сделать это в самое ближайшее время...

Дочитав материал на сайте до конца, Виноградов еще пару раз возвратился к особенно интересным и важным моментам. Затем включил принтер и распечатал себе копию для адвокатского досье.

...Иногда знаменитые городские поэты действительно появляются в Доме писателей. В основном на каких-нибудь авторских семинарах для молодежи или на плановых организационных мероприятиях – вроде выборов и перевыборов председателя секции. Но если вам по-настоящему необходимо найти кого-нибудь из тех, кто сегодня считается популярным, лучше все-таки заглянуть вечером в галерею «АРФЕЙ» на Литейном проспекте.

Здесь всегда что-нибудь происходит.

Это может быть очередная выставка модной графики, презентация стихотворного альманаха или громкий скандал на вручении премии по литературе, просто чей-нибудь день рождения, творческий вечер или даже концерт для гавайской гитары и барабана... В галерее тогда возникает почти настоящая творческая атмосфера, очень крепко замешанная на недорогом алкоголе, на сигаретах и на едва уловимом сладковатом запахе чего-то еще.

Впрочем, с наступлением новых времен даже мелкие нарушения уголовного законодательства здесь не приветствовались – и само руководство художественной галереи, и литературный клуб «АРФЕЙ», и одноименное издательство старались вести себя респектабельно и соблюдать хотя бы видимость приличий.

С точки зрения Виноградова, это была неплохая отдушина и для молодых неформалов, и для последнего поколения творческой интеллигенции, которое помнило времена «Сайгона», квартирных концертов и разговоров на кухне с дешевым портвейном. Сам он заходил в галерею нечасто. И не только из-за того, что довольно спокойно относился к современной живописи, – нет, на выставках попадались картины, гравюры и даже скульптурные композиции, которые ему по-настоящему нравились. Просто Владимир Александрович не очень любил мешать водку с пивом, а потом разговаривать по душам о великой мировой литературе с крепко выпившими людьми, которых видел впервые в жизни.

...К официальной части Виноградов опоздал. Народ уже большими группами теснился у столов, общался и звенел посудой. Пластиковые стулья, построенные ровными рядами перед микрофоном еще до начала мероприятия, теперь напоминали батальон наполеоновских гвардейцев, который выкосила русская картечь: шеренги оказались перемешаны и смяты, а некоторая часть из них уже была растаскана гостями по углам.

Судя по тому, что на тарелках пока оставалось какое-то количество бутербродов, организованная половина мероприятия была закончена совсем недавно.

– Привет, старик!

Возле самых дверей в большой зал на Виноградова едва не наткнулся мужчина с пластиковыми стаканчиками в обеих руках. Вид у него был, странным образом, одновременно сосредоточенный и рассеянный.

– Привет, Паша!

Павел Анатольевич Курсантов считался одним из отцов-основателей галереи «АРФЕЙ» и был, кажется, главным редактором одноименного издательства. В Союзе писателей он к тому же руководил так называемой Девятой секцией, которая несколько лет назад впервые нарушила исторический принцип пожизненного распределения членов Союза по жанрам. Как ни странно, Курсантов при этом прилично писал и в девяностые получил даже несколько больших и значительных премий, что на практике далеко не всегда вытекает одно из другого. С Владимиром Александровичем их связывали довольно давние почти приятельские отношения: когда-то молодой литератор Курсантов подрабатывал на жизнь, редактируя рукописи детективных романов в одном известном петербургском издательстве, где Виноградов числился не только постоянным автором, но и консультантом.

– Какими судьбами к нам?

– Да вот, зашел на огонек...

– Ну, давай, старина, не теряйся!

Не выходя из состояния глубокой озабоченности, Павел Курсантов протянул Виноградову один из пластиковых стаканчиков, после чего растворился в круговороте гостей и участников мероприятия. Владимир Александрович, в свою очередь, осторожно принюхался и даже попробовал на свет определить характер содержимого. Наверное, какой-нибудь коньячный спирт или домашний самогон? Рисковать не хотелось, но отказаться было бы неприлично.

Владимир Александрович сделал несколько неторопливых шагов вдоль стены и остановился напротив картины, изображавшей одинокого серого человека на пустой темной улице, – остановился так, чтобы, не привлекая внимания, просматривать весь выставочный зал.

Того, кто по-настоящему интересовал сегодня Виноградова, пока не было видно. Зато в поле зрения у него оказались почти все, кто пришел и приехал сегодня на творческий вечер в «АРФЕЙ».

В галерее присутствовало сейчас человек пятьдесят, если даже не больше. И, как это нередко происходит при таком скоплении народа, собравшиеся уже образовали у столов сразу несколько самостоятельных групп по интересам.

Центром притяжения самой большой из них был высокий и наголо бритый мужчина, очень похожий на поэта Маяковского, если бы тот, по какой-то случайности, записался в скинхеды. Ему досталась добрая и вкусная фамилия, совершенно не подходившая к такой суровой внешности, однако он писал довольно сильно и довольно интересно и был достаточно популярен в своем кругу, чтобы считаться непризнанным гением современной российской литературы. Вот и в этот момент он царил над своим окружением, состоявшим из постоянных поклонниц, а также поэтов различного возраста и комплекции, юных *поэток*⁶ и поэтесс.

Среди которых, конечно же, выделялись красавицы Ольга Орлова и Галина Петрухина.

Когда-то в отдаленном прошлом Ольга неудачно упала с лошади, родила ребенка и начала писать хорошие, но чересчур печальные стихи.

Очень жаль, что придется с утра умереть...

Очень жалко, что завтра с утра я умру...

⁶ Многозначительный литературный термин, введенный в оборот кем-то из женщин, пишущих стихи.

Впрочем, последовательность событий могла быть и несколько иной. В любом случае, Владимир Александрович относился к Орловой с большим уважением – и не в последнюю очередь потому, что она по-настоящему и всерьез занималась благотворительностью, помогая тяжело больным детям.

Член Совета Союза писателей Галя Петрухина тоже была Виноградову симпатична – не только стихами, но и способностью в любых условиях собрать вокруг себя приличную компанию. По стечению разного рода трагических обстоятельств она похоронила одного за другим трех мужей, однако вовсе не производила и не пыталась произвести на окружающих впечатление этакой «черной вдовы».

Мне есть кого терять и что терять...

Вторая по численности группа гостей состояла, в основном, из писателей разного стиля и уровня, образовавших когда-то Девятую секцию. В литературе это были умеренные вольнодумцы, которые оказались в какой-то момент интересны друг другу и самим себе.

Помнится, вскоре после создания Девятой секции Виноградов случайно услышал разговор двух издателей, занимавшихся современной литературой.

– Они считаются очень талантливыми и неформальными, – сказал один.

– Считаются? – уточнил собеседник.

– В буквальном смысле слова. То есть они считают себя...

Впрочем, многие из тех, кого Владимир Александрович сейчас увидел в галерее, действительно писали интересно и даже талантливо. Например, легендарный питерский рок-музыкант, спортсмен и бывший анонимный алкоголик Виталий Рейман, похожий на вечно худого печального рыцаря, который зачем-то сбрил бороду. В начале девяностых именно Рейман дал Виноградову самую первую рекомендацию для вступления в Союз писателей. И достаточно скоро у Владимира Александровича появилась возможность отплатить ему добрым советом.

– Послушай, Володя, мне рукопись тут опять развернули в редакции. Хорошую новую рукопись, про Ленинградский рок-клуб... – пожаловался как-то Рейман при встрече. – Денег, значит, теперь совсем нет. Но они предложили приличный аванс, чтобы я детектив сочинил. Про ментов и бандитов...

– Бери, конечно, – посоветовал Виноградов, у которого к этому времени вышло уже несколько остросюжетных рассказов и повесть на криминальную тему.

– Ну, так я и взял уже, – вздохнул писатель. – Ты только не подскажешь мне, как это делается?

– Труп в начале, труп в конце... а середину заполняешь настоящей прозой. Ну, то есть всем, что в голову придет, – отшутился тогда Владимир Александрович.

Но Виталий Рейман юмора не оценил и воспринял его совет почти буквально. За следующие годы он опубликовал по этой схеме несколько детективных романов, изрядно преуспел и заработал приличные гонорары. При этом, он, как автор, вовсе не старался утруждать читателей излишней достоверностью – в большинстве книг Виталия Реймана какой-нибудь судебный дознаватель вполне мог приводить в исполнение смертные приговоры преступникам, а прокурор района отчитывался на совещании о результатах расследования перед начальником городского управления внутренних дел...

Интересно писали также двое сегодняшних именитых гостей из «другого» Союза – бородастый драматург Сережа Переносов и фантаст Илья Боярышев, сочинявший мистические истории про военно-морской флот и различную бронетехнику времен Великой Отечественной войны. Они о чем-то горячо, но мирно спорили вокруг соседнего стола с ребятами и девуш-

ками из творческого объединения «Живой металл», которое все увереннее заявляло о себе в литературной жизни города.

...Виталий Рейман первым, кажется, заметил Виноградова и приветственно поднял стакан с минеральной водой. Владимир Александрович кивнул в ответ, обещая присоединиться немного позже. Он успел еще издала поздороваться с парой знакомых, оказавшихся в поле зрения, когда возле картины про серого человека остановилась молодая пара. Собственно, мужчина, немного похожий на поэта Кушнера в юности, некоторое время продолжал по инерции идти дальше, но его спутница уже замерла, будто якорь на грунте, и решительно обернулась к адвокату Виноградову:

– Здравствуйте, Владимир Александрович!

– Добрый вечер.

Девушка была очень юная, бледнолицая, светловолосая и успела уже основательно выпить вина. Виноградову смутно припомнилось, что когда-то он уже видел ее – то ли на общем собрании членов Союза, то ли на встрече писателей с творческой молодежью.

– Познакомьтесь! Это новый руководитель нашего семинара.

– Очень приятно! Владимир.

– Михаил Юрьевич.

Делать какие-либо замечания или предположения по поводу соответствующей фамилии Виноградов не стал. И это явно произвело положительное впечатление на собеседника, которому в жизни приходилось выслушивать шутки подобного рода едва ли не при каждом знакомстве.

– Миша издал уже четыре сборника стихов и пишет диссертацию про систематический анализ, – похвасталась девица.

– Семантический анализ, – по привычке поправил ее спутник. Кажется, он уже не подозревал в Виноградове потенциальной угрозы своим планам на более тесное творческое общение с молодой поэтессой, переходящее в совместный завтрак. Однако посчитал необходимым уточнить: – А вы тоже поэт?

– Нет, ну зачем же... – окончательно успокоил его Виноградов. И в свою очередь поинтересовался: – Не подскажете, не было здесь сегодня ковбоя Шарманского?

– Да вроде не было.

– Его никто не видел уже пару дней.

– Не знаю. Может, он в запое?

В общем, это считалось довольно обычным занятием среди литераторов старшего поколения.

– Он завтра должен появиться на заседании Литфонда. По поводу материальной помощи.

– Я передам при случае, – пообещал Виноградову новый знакомый.

Однако спутница, потеряв уже интерес к продолжению разговора, решительно потянула его за собой, предоставив Владимиру Александровичу заниматься своими делами:

– Простите, нас уже зовут! Еще пообщаемся...

Вот и славно.

Да, кажется, в прошлый раз Виноградов ее видел с каким-то другим руководителем семинара. Или, может быть, не ее... или, может быть, даже не видел...

По его наблюдениям, продолжительность браков и интенсивность любовных связей, как правило, у поэтов и у прозаиков существенно различаются. Вероятно, это каким-то образом зависит от объема и жанра литературных произведений, которые они создают, и от времени, которое этот процесс занимает. Например, для того, чтобы написать небольшое стихотворение, вполне может понадобиться час-другой. Или ночь. Или несколько остановок в общественном транспорте. После этого вполне можно браться за следующее стихотворение. Которое непременно должно быть и лучше, и интереснее предыдущего...

А вот при построении повести или большого романа отношения между текстом и автором непременно растягиваются на недели, на месяцы, даже на годы... Очевидно, поэтому прозаики более склонны к стабильности в любовных и семейных отношениях, тогда как между поэтами и поэтессами постоянно возникают непродолжительные, но бурные проявления страсти. Причем, если теория Виноградова верна, создатели длинных поэм должны быть в отношениях между полами значительно ближе к писателям, которые сочиняют коротенькие рассказы. А на противоположных концах этой своеобразной шкалы продолжительных и непродолжительных связей, видимо, располагаются юные авторы злых поэтических эпиграмм и пожилые прозаики, пишущие многотомные эпопеи.

Хотя, наверное, все в действительности наоборот: именно природная предрасположенность определяет для каждого собственный выбор литературного жанра...

Тем временем руководитель семинара со своей ученицей уже вернулись в дальний угол галереи. Туда, где шумели о чем-то своем литературные гении самого разного пола и возраста, про которых написал когда-то один умный театральный режиссер:

Они свое бессилие назвали направлением...

Среди собравшихся там Виноградов заметил бородатого и носатого юношу лет сорока, который, согласно афише, висевшей у входа, представлял сегодня свой первый стихотворный сборник. Сборник напечатали здесь же, в издательстве «АРФЕЙ», за счет средств автора.

Виновник торжества выглядел сильно простуженным, постоянно поправлял очки и шмыгал носом. Впечатление это усиливалось еще и тем, что его шея была артистично обмотана клетчатым шарфом. Владимир Александрович собрался уже сменить точку обзора и пройти по другим помещениям галереи, но как раз в этот момент автор нового слова в российской поэзии поднялся с места:

Появились три тени,
Попрощались – и на хер...
А за ними – Евгений
В полосатой рубаше.

Декламировал он достаточно громко и выразительно, чтобы привлечь внимание собравшихся. А когда закончил, весь зал, к удивлению Виноградова, разразился отчаянными аплодисментами, будто в «Бродячей собаке» приветствовали Северянина или Блока. Причем особо неистовствовали именно те поэты и поэтессы, которых Владимир Александрович знал и которых он никогда бы не заподозрил в отсутствии вкуса... Кто-то из них, кажется, прокричал даже «браво!», и сразу несколько не очень трезвых голосов настойчиво потребовали от автора читать еще.

Но тот и сам не думал прерываться:
– Спасибо, господа! Послушайте...

Из мочеполовой системы
Все чаще извлекаю темы...

Стихотворение было довольно короткое, но выразительное. И опять все захлопали и заголосили – только на этот раз Владимиру Александровичу вдруг показалось, что люди, собравшиеся в галерее «АРФЕЙ», просто-напросто издеваются над бедолагой, который вдруг осмелился считать себя таким же, как они.

Или именно так себя вести в благодарность за выпивку предписывали местные правила?

Сам Виноградов был воспитан родителями на Вознесенском, Рождественском и Евтушенко начала шестидесятых. Много раз перечитывал лирику Маяковского, мудрые сказки великого Феликса Кривина и потрясающие по силе переводные стихи Бертольда Брехта. В ранней молодости открыл для себя Булата Окуджаву, Владимира Высоцкого, целое поколение русских бардов... Поэтому он решил не дожидаться окончания торжества. Оставил пластиковый стаканчик на подоконнике, вышел из галереи и направился к ближайшей станции метро.

И почти сразу же от противоположной стороны Литейного проспекта вывернула припаркованная там темно-вишневая «школа» с двумя молодыми мужчинами, один из которых о чем-то разговаривал по мобильному телефону. Стараясь не выделяться из потока вечернего транспорта, автомашина прибавила скорость, а затем двинулась в том же направлении, что и Владимир Александрович...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.